

Александр ЛЕКАРЕНКО

роман-антиутопия

ПРАВОСУДИЕ

В книгах Лекаренко есть все - лихо закрученные сюжеты, невероятные запови и непредсказуемые финалы, леденящие душу сцены. При всем том его проза, что отличает ее от криминального чтива на потребу, интеллектуальна. Лекаренко, отлично знающий историю мировой философии, и сам не прочь пофилософствовать в своих книгах. Но делает это настолько непринужденно - в форме иронии, пародии, гротеска, - что сюжет не скучнеет, а становится более захватывающим.

...Вечное противостояние Добра и Зла. Мы не всегда делаем выбор в пользу добра. Не то, что люди - целые государства живут по законам извращенной морали. Привыкли говорить - страдает экология, гибнет мир... Но это не причина, а следствие того, что происходит внутри нас. Сначала гибнет экология души, а уж затем окружающая среда. Виновата в том не какая-то мистическая сила, а сами персонажи, которые трансформируются из обычных гомосапиенс в «ангелов ада».

Новый роман-антиутопия Александра Лекаренко «Правосудие», как и другие его произведения, не дает ответов на вечные вопросы. Скорее, он эти вопросы ставит, заостряя до предела. И предупреждает: «Оглянись во гневе, человек!»

ЧАСТЬ I

Глава 1

Глаза женщины вылезали из орбит, она пыталась крикнуть, она прижимала к себе голую девочку, лет четырех-пяти, но рты обеих были запечатаны кусками черного скотча, а тела примотаны проволокой к коричневому телу сосны.

Мужчина плеснул из канистры. Женщина судорожно дернулась, упираясь ногами в истоптанный снег, бензин потек по ее волосам, лицу, груди, стекая на голову ребенка. Мужчина обошел сосну кругом, поливая обреченное дерево и обреченных людей, вылил остатки на ворох одежды у их босых ног, туда же швырнул пустую канистру. Второй палач стоял рядом, опершись джинсовым задом о крыло джипа и спокойно наблюдая за приготовлениями.

Некто третий, покуривая, наблюдал «из-за кулис», стоя за кустами орешника в ста метрах от сцены драмы.

Мужчина чиркнул спичкой.

Сухо треснули два выстрела, и оба палача свалились в грязный снег с простреленными головами.

Зритель подобрал гильзы, положил окуроч в карман, положил карабин на плечо и вышел из-за кулис.

Он подошел к трупам и осмотрел их, поворачивая головы носком ботинка, - обе пули прошли навылет. Он перевел взгляд на сосну, - не

более чем в двадцати миллиметрах над головой женщины белела свежая царапина, там, где пуля содрала кору.

Не выпуская рукоять карабина, он размотал одной рукой проволоку, уронил ее на землю и пошел прочь.

Смеркалось и подмораживало, через сотню шагов он обернулся, - голая женщина и голый ребенок неподвижно сидели в снегу у подножия дерева, он пошел назад.

Женщина дрожала, и девочка дрожала, они смотрели прямо перед собой, их рты были все так же запечатаны, из носа у обоих текло.

Он повесил карабин за спину и рывком поднял их на ноги, они остались стоять в том же положении, дрожа и не двигаясь с места. Он поднял с земли одежду и попытался их одеть, но вся одежда оказалась порезанной на куски. Тогда он подвел их к джипу, втолкнул на заднее сиденье, утрамбовал оба трупа в багажник, бросил сверху ворох воняющих бензином тряпок, сел за руль и повернул ключ зажигания.

Глава 2

Он прослужил семь лет в погранвойсках и после этого, - тринадцать лет в разных подразделениях милиции. За это время он приобрел два диплома, два ранения в голову, двоих детей, мучительных, как два ранения в голову, привычку к крови и водке и непоколебимую уверенность в том, что человек есть дерьмо, дерьмом был и дерьмом пребудет во веки веков.

Вымучив выслугу лет и украв кое-что, по мелочам, он поставил свой самогонный аппарат на даче в лесу и предался заслуженному, мрачному пьянству.

Где его и разыскала его бывшая подследственная, бывшая соотечественница, бывшая подруга и бывшая жена, которая, отбыв срок за-

мужем за богатым американским извращенцем и уморив его, вернулась на историческую родину, чтобы забить последний гвоздь в крышку гроба предпоследнего мужа.

Забивание гвоздя растянулось на год и высекло искру, воспламенившую охапки баксов, брошенные вдовой на угли былой любви, и он, подобно Фениксу, вышел из вспыхнувшего костра обновленным и в новом качестве - альфонса.

Ему понравилось, он успел слетать в Париж и выпить водки в кафе «Куполь».

Но в организме его старой жены и новой возлюбленной, помимо сердца, склонного возгораться и затухать со скоростью и регулярностью газовой конфорки на коммунальной кухне, был еще один орган, в котором горел вечный огонь, неугасимый и сжигающий любое количество самых несгораемых жидкостей. Однако при всей своей коммунальной склочности и стервозности местечковой лахудры, помноженной на большие нью-йоркские деньги, - жадной она не была. Поэтому, когда она отбыла с очередным любовником, он остался в своих штанах от Диора, при даче, превратившейся в нечто среднее между дорогим борделем и фортом на Диком Западе, расположенной на двух гектарах обнесенного частоколом леса, и при некотором количестве наличности, завалявшейся в широких карманах штанов.

Теперь жить, вроде бы, стало и не для чего. Ему было сорок пять лет, он получил от жизни все, что хотел и много из того, чего не хотел, но не приобрел никаких привычек, которые помогли бы ему скоротать жизнь, не обремененную заботой о хлебе насущном и присутствием лахудры, присутствие которой было единственным светлым моментом в его жизни. Сам того не осознавая, он всю жизнь - отдавал. А теперь, когда жизнь вернула долг, - он не знал, что с этим делать и даже тяжело ненавидимая ментовская работа стала казаться не таким уж плохим временем.

Но судьба спивающегося эсквайра - была не его судьбой, и жизнь внесла свои коррективы: однажды в ворота его усадьбы постучали трое молодых людей и попросили денег, на нужды ветеранов спорта, - регулярно и в твердой валюте. Он невежливо отказал. Тогда они вразумили

его, прямо у ворот, забив при этом монтировкой его собаку. Благодарение Господу, путь от усадьбы до трассы, через лес, - был недалек. Когда он догнал их наперерез, вилля на мотоцикле между деревьев, он был все еще пьян, у него раскалывалась много раз травмированная голова, в глазах двоилось, и ему было не до церемоний. Отогнав машину в лес, он допросил оставшегося в живых, пока двое умирали в салоне с пулями в животах. Оставшийся в живых много кричал и много хрипел потом, но в промежутке успел назвать адрес уважаемой ветеранской организации, а также имена и домашние адреса уважаемых учредителей.

Эти ребята хорошо понимали в «стрелках», «толковищах» и кулачных разборках, но к войне они готовы не были. В тот же вечер, закопав трупы, утопив машину в озере и приняв пару таблеток амфетамина, он легко перебил их всех, вместе с женами и собаками, - от детей Бог его упас. Будучи достаточно опытным оперативником и никак не засветившись на месте, он понимал, что вычислить его невозможно: искать будут в той же среде, и очень вяло будут искать, однако, два последующих месяца ожидания, заполненных боевым дежурством, позволили ему снова почувствовать себя живым. И ему это понравилось.

Глава 3

Много лет назад еще молодым опером он познакомился с настоящей ведьмой. Однажды он разыскивал одного цыгана, который был задержан за какую-то ерунду с коноплей, выпущен под подписку и скрылся. И вот он подошел к дому, где, теоретически, проживал этот цыган, у ворот сидела ветхая старуха, которая на все вопросы отвечала «нет». Тогда он толкнул калитку и вошел во двор, навстречу ему сразу вышла молодая и очень красивая женщина, предложила пройти в дом. И он вошел.

На столе стоял самовар, две чашки, какие-то конфеты в вазе. Они сели за стол, и он, попивая чай, рассказал ей прямо и без утайки, очень подробно, о цели своего визита.

- И что ему будет? - спросила женщина.

- Года полтора будет, - ухмыльнулся он. - Учитывая, что цыган.

- Значит, ему не надо являться? - спросила женщина.

- Конечно, нет! - возмутился он. - Скрыться надо, а через год о нем никто и не вспомнит.

- Ну, ладно, - задумчиво сказала женщина. - А у тебя проблемы? Деньги нужны, да?

Проблемы были, он был должен, а платить было нечем. Он так и сказал.

Женщина протянула ему пачку денег, и он взял, - потом оказалось, что там нужная сумма, копейка в копейку. Сразу вслед за этим он обнаружил себя идущим по улице к своему райотделу, в другом конце города.

Ночь он провел, пытаясь понять, как он мог сделать то, что он сделал, и как с ним могли сделать то, что с ним сделали - а на следующий день пошел искать ведьму.

У ворот сидела все та же ветхая старуха, не обращая на нее внимания, он прошел во двор и в дом. На этот раз дом оказался полон народу, там шла какая-то цыганская гулянка. Он спросил Таню. Он не помнил, чтобы ведьма называла свое имя, но совершенно точно знал, что ее зовут Таня. Ему ответили, что Таня здесь не живет, а только приходит иногда, и никто не знает, когда она придет. Он ушел, но явился на следующий день и продолжал упорно приходить, принося старухе у ворот конфеты и водку, пока не застал ведьму одну.

- Чего ты хочешь? - спросила она.

У него был заготовлен ответ: погадать. Она взяла его ладонь и рассказала ему про его детство такие вещи, о которых он догадывался, но точно не знал, - нехорошие вещи, страшные даже. Потом она взяла его вторую ладонь, но смотрела при этом ему в лицо и, долго помолчав, сказала:

- Приходи еще.

В последующие дни и годы он узнал многое и не узнал ничего. Они подружались, они выпивали вместе, они даже бывали в бане вместе, и он не раз видел ее роскошное тело, но ни разу она не допустила его до себя, а ему в голову не приходило настаивать. Он знал за собой свойство безоглядности, его заносило иногда и, работая в милиции, он нередко делал вещи, за которые можно было поплатиться не только свободой, но и головой. Таня предупреждала его, и он соглашался, точно при этом зная, что пока Таня с ним, - ничего не случится. Так оно и было. Люди вокруг падали, как кегли - спивались, съезжали с катушек, попадали в тюрьму или на кладбище, а его хранила судьба, при этом никогда не давая поднять голову выше планки. Деньги приходили легко и уходили легко, легко приходили и уходили женщины, легко он взбирался по ступеням ментовской лестницы и легко, без последствий, скатывался вниз. Он был, как щепка на волнах, которая не может утонуть, но и не поднимается выше уровня моря. Куда его несло?

- Ты - отмеченный, - говорила ему Таня.

- Чем отмеченный? - много раз пытался он добиться от нее.

- Меткой, - усмехалась Таня, и на этом собеседование и заканчивалось.

Это она указала ему место, где купить дачу, и она указала точное время, когда покончить с работой, за время их связи он оказал ей множество мелких и не очень мелких услуг, а она не оказала ему ни одной, кроме того, что - не давала пропасть. Он часто пытался научиться от нее чему-нибудь, но она всегда отвечала, что учиться ему нечему, и все же он часто видел ее во сне и даже, смешно сказать, всегда знал, когда у нее менструация. Он узнал, что ее подлинное имя - Танита, он узнал, что она родом из Узбекистана и происходит из особого клана узбекских цыган - гарундов, занимавшихся предсказанием, он знал, где она живет и номер ее телефона, но больше он не знал о ней ничего.

Она приехала на следующий день после того, как он расправился с рэкетирами - он лежал пластом, никакой амфетамин уже не помогал, битая-перебитая его голова страшно болела, его мучил несуществующий запах апельсинов, на краю поля зрения, слева, мелькали цветные вспышки. Ничего не спрашивая, она почти на руках перенесла его в

баню, где он вырубился окончательно и уже не помнил ничего, а посреди ночи проснулся здоровым, и они долго плавали в озере вдвоем.

Он никогда и ни о чем не просил ее предметно, но теперь в его доме, дрожа и тупо глядя в стену, сидели два женщины - молодая и совсем ребенок, они не отвечали на вопросы, не реагировали на свет, по их подбородкам текла слюна. Он принял на себя ответственность, а в гараже стоял джип с двумя трупами в багажнике, о которых еще следовало позаботиться. И он позвонил Таните.

Глава 4

Она вошла в большое помещение, выложенное черной базальтовой плиткой, где он иногда занимался, развлечения для, кузнечным делом. Полчаса назад он оставил ее в доме наедине с женщинами. Теперь в помещении горел горн, в котором он только что сжег одежду и документы палачей.

- Мне нужна их кровь, - сказала она, указывая на голые трупы.

Он захлестнул цепью кран-балки одно из тел за ноги и подвесил его над ванной, в которой закаливал поковки. Затем быстро отделил голову от тела острым ножом: в ванну хлынула черная кровь, под дверью кузницы захрипели собаки. Танита поймала несколько капель крови в маленькую керамическую чашу.

- Теперь второго.

Он сбросил тело в ванну и проделал то же самое со вторым, две головы с плоскости железного верстака смотрели мертвыми глазами, как ведьма набирает кровь во вторую чашу. Когда она ушла, он быстро расчленил оба тела, сложив кишки в пластиковый мешок для мусора и бросив в горн ступни, кисти рук и мягкие ткани, срезанные с черепов. Затем, нарубив на железе печень и сердце, впустил собак.

Он купил этих злобных тварей после того, как бандиты убили его овчарку, у одного любителя, селекционировавшего монстров. Две суки-полукровки, от добермана и дога, никогда в жизни не жрали ничего, кроме сырого мяса, не боялись ничего, кроме специальной плети, которая продавалась к ним в придачу, и были натасканы на человека в паре - на пах и затылок. Они, урча, впились в кровавое мясо, наваленное в жестяной коробке и, возя ее по каменному полу, давясь и огрызаясь, заглотали вмиг, а затем сунули морды в ванну с кровью - он не кормил их с самого утра. Отгонять их, без плети в руке, было опасно, да и незачем, он нарубил в коробку оставшуюся требуху и, пока суки, бросив кровь, насыщались, уже неспешно, уже порыгивая и выпуская вонючие газы, снял кожу и срезал мясо со скелетных костей, сложил собачье питание в железный ящик и бросил отходы в горн.

Вошла Танита.

- Эти люди, - она указала на два красных черепа, - остались кое-что должны.

- У них была какая-то мелочь, - он кивнул на кучку смятых бумажек на верстаке, - долларов триста, в общей сложности.

- Не деньги. Мне нужны их черепа, чистые черепа, ты понял?

- Хорошо.

Он взял электропилу и, быстро срезав верхнюю часть черепов, вытряхнул содержимое собакам, но собаки отказались это есть.

- Стой!..

Но он уже бросил мозги в горн, и розово-серая жировая масса, вспыхивая синими огоньками, растекалась по углям.

- Сейчас ты наказал их, может быть, сильнее, чем они заслужили.

- Сильнее? - он поднял брови. - Никогда нельзя наказать сильнее. Они собирались расплавить мозги в головах у женщины и ребенка.

- И расплавили, - усмехнулась Танита. - Но есть шанс отлить их в новую форму. Набери в черепа кровь и иди за мной.

Женщина и девочка сидели рядом на диване, уставясь пустыми глазами на огонь свечей.

- Поставь черепа на стол.

Он исполнил.

- Теперь уходи.

- Почему?

- Теперь уходи.

Он исполнил.

Уже забрезжил рассвет, когда, разрезав электропилой и газовым резаком все, что можно было разрезать, он сложил в одну кучу чистый металл, в другую - драный хлам, все что осталось от джипа.

В кузницу вошла Таня.

- Пойдем, - сказала она.

В комнате стоял сильный и неприятный запах. Женщина и девочка неподвижно лежали рядом на диване.

- Девочка умерла, - сказала Таня. - Выжить из них мог кто-то один. Выжила старшая, как более сильная.

- Они обе были живы, пока ты не начала колдовать, - мрачно заметил он.

- Они не были живы, - Танита перевела на него темный взгляд.

- Жили их тела, как трава. Женщина вернула себе жизнь, которую дала этой девочке.

- И что мне теперь делать?

- Что хочешь, то и делай. Можешь одеть эту женщину, отвезти в город и там бросить, как собаку - куда-нибудь прильется. Можешь убить, как собаку, которая не нужна. Можешь взять на себя ответственность и оставить ее себе.

- Как это, - себе?

- Так. Ты все это затеял. Кто-то тянет нить твоей судьбы, кто-то тянет нить ее судьбы, кто-то тянет нить моей судьбы. А узлы завязываем мы сами. Ты завязал узел. Теперь или разруби узел или тяни ее судьбу на себе.

- Она спит?

- Спит.

- А что будет, когда она проснется?

- Она ничего не будет помнить. Но потом вспомнит. А перед тем, как она вспомнит, ты должен либо избавиться от нее, либо отхлестать ее розгами.

- Зачем?

- Ее душа должна знать, кто хозяин. Иначе ты никогда не справишься с ней. Ее душа разнесет в клочья и ее саму и тебя.

- Когда она проснется?

- Иди, топи баню, я тебя позову.

Они вошли в баню втроем, лицо женщины было спокойно, глаза широко открыты, но она никак не реагировала на происходящее, Танита направляла ее, придерживая за волосы на затылке и не касаясь ее тела.

Жар стоял адский, в углу, в ушате, мокли тальниковые розги.

- Становись со стороны ног, бей вдоль тела, - Таня положила женщину на полку, лицом вниз, почти сразу по их телам потек пот.

Он взвесил в руке ржаво-красный пучок розог, глядя на выпуклые женские ягодички и чувствуя, как поджимается мошонка, будто бы бить собирались его самого.

- Бей! - Свистнули розги, женщина дернулась и тихо взвизгнула.

- Сильней!

Он ударил с оттяжкой и увидел, как на теле женщины появляются узкие, мгновенно вспухающие ссадины, Танита сжала в кулак волосы на ее затылке.

- Еще!

После каждого удара истязаемая женщина с визгом выдыхала и дергалась, ее спина и зад расцвели красным узором, похожим на заросли тальника. Вдруг на него, как багровый туман, опустилось чувство, которого он никогда не подозревал в себе - неожиданно и страшно он ощутил сексуальное возбуждение от того, что делает.

- Хватит!

Он и сам знал, что хватит, он швырнул розги на пол, но было уже поздно - из него толчком выплеснулась сперма, на истерзанные ягодички женщины.

- Стой! - крикнула Таня, потому, что он хотел ринуться прочь из бани. - Вотри это в ее тело!

Он остановился и исполнил указание, руки у него дрожали, и он чувствовал, как дрожит женщина под его руками.

- Ты слишком сильно затянул узел, - сказала Таня, они сидели в предбаннике и пили водку, на столе горела «летучая мышь», женщина, вниз лицом, лежала на лавке.

- От тебя этого не требовалось. Но раз уж так получилось, то знай, что ты принадлежишь этой женщине, так же, как и она тебе, и смерть вас не разъединит. Ты сам виноват, ты всегда все делаешь слишком.

- Я меченый, - мрачно сказал он, не поднимая глаз.

- Точно. Ты меченый. Я помогу тебе, чем смогу, но тебя ведет тот, перед кем я - ничто.

- Я тебе не верю. Я знаю, что я слегка псих. Я почти ничего не боюсь, и не раз убивал людей. Ну и что? Я не один такой.

- Все не такие так думают. Это помогает им не развалиться на куски.

- Я ничего такого не чувствую.

- Врешь, чувствуешь. Поэтому ты начал искать меня много лет назад. Если бы не это, ты был бы сейчас милицейским полковником с толстым языком, чтобы слюнить деньги и жопы, и ни о чем не болела бы твоя голова. Любой человек - это яйцо. Нормальный человек - это мертвое яйцо, его скорлупа цельная, пока смерть не разобьет ее, чтобы выпустить вонь. А не такие - все в трещинах, потому что сила разламывает их изнутри. Есть яйца от Бога и есть от Дьявола. Бог рождает мертвые яйца, а Дьявол не ценит своих детей. И они гибнут до срока, если не научаются каким-то способом сохранять свою целостность. Смерть - это срок. Жизнь - это матка, в которой зреет новое рождение или окончательная смерть. Жизнь показывает это каждый день тысячу способов, но люди не видят этого, потому что мертвы. А глаза тех, кто жив - слепы от боли. Я говорила тебе это тысячу раз, но ты не мог понять. А теперь ты начнешь понимать, потому что наступило твое время, и ты будешь делать для этой женщины то, что я делала для тебя - будешь утирать ее слезы.

Глава 5

- Я не верю ни в какое воздаяние, божеское или человеческое. Я хочу своей справедливости, здесь и сейчас, - так говорила женщина, которая теперь называла себя Бертой. Раньше у нее было другое имя, но теперь это уже не имело значения. - Он виновен не только в том, что хотел сжечь живьем меня и мою дочь, не только в ее смерти он виновен. Он растоптал наши души - мою и ее. И чем он поплатился? Всего лишь - легкой смертью.

- Не было времени делать из него шашлык, - заметил он.

- Конечно. И оснований у тебя не было. Но ты вмешался.

Был вечер третьего дня после того, как они похоронили девочку, они сидели в доме у голландской печи, он чистил карабин, она смотрела в огонь.

- Я буду мочиться в их черепа, его и его проклятого брата. Но их проклятый отец и их мать, которая родила тварей, легко не умрут, я заставлю их мучаться.

- Что они тебе сделали?

Женщина помолчала.

- Меня воспитывал отчим, моя мать умерла, когда мне было 11 лет. Это был самый лучший человек из всех, кого я знала. Он был добрый, честный, умный и справедливый. Я не понимала тогда, что жили мы бедно, он сам недоедал, но у меня было все - даже золотые побрякушки. Мне никогда не было одиноко, никогда не было грустно - все время, что мог, он проводил со мной. В пять лет я уже умела читать, я училась в лучшей школе, он выучил меня в лучшем университете. Потом я вышла замуж за эту тварь, имени которой не хочу произносить. Сначала тварь была просто мелкой шушерой на базаре при большой твари - своем папе. А что я могла понимать? Он был моим первым и единственным мужчиной, я видела только цветы и внешность, как у Тарзана. Но большие и дурные деньги заставили эту мелкую тварь думать, что она - тигр, что ей все позволено. И ей было все позволено - за деньги, а не за силу. Я начала понимать, с кем имею дело, но уже родился ребенок, отец сильно болел, он продал дом, чтобы внести деньги на свадьбу - эти жирные подонки

взяли с него деньги, и теперь у него не было ничего, он ютился в общешитии, мне некуда было идти - я закрывала глаза. Так крепко закрывала, что не видела, как папик моего мужа положил на меня глаз, пока он не начал хватать меня за грудь. Я хотела пожаловаться мужу, но папик пожаловался раньше, и муж избил меня за то, что я строю глазки его отцу. Он был очень храбрым, мой муж, нанюхавшись кокаину, и его брат тоже. Мой отец понял что-то, почувствовал. Он пришел и поговорил с отцом мужа. А через три дня после этого мой храбрый муж привязал меня и свою дочь к дереву. Знаешь, почему? Потому, что он нашел в комнате у моего отца фотографии, на которых я совокуплялась со своим отцом. Я не знаю, какой богом проклятый ублюдок смонтировал эти фотографии, но я найду его. И я заставлю за них расплатиться старую тварь, которая их заказала. О, если бы ты знал, как я жалею, что мой муж умер, - он отрезал голову моему отцу, на моих глазах и глазах моей дочери.

Он меланхолично покачал головой, не поднимая глаз от карабина - вещи, подобные этой, были вполне обычным делом для его прежней работы, он видел их много раз и уже много лет назад приобрел к ним иммунитет, он научился принимать людей таковыми, каковы они есть, - дерьмом и разучился их ненавидеть за это.

- Я разделил обоих братьев между своими собаками, - заметил он. - По-братски.

- Ты сможешь мне отомстить? - спросила женщина.

- Конечно, помогу, - ответил он.

Глава 6

Лет сто или пятьдесят или даже пятнадцать лет назад - город бы замер от ужаса. Впрочем, возможно, что и не замер бы. Возможно, прежние времена нам кажутся добрее по той же причине, по которой в «Трех

мушкетерах» мы не видим крови, а небо в детстве кажется голубее и трава зеленей. Город истерично развеселился и пришел в возбуждение, подобно олигофрену, увидевшему автомобильную аварию - в холодильнике городского рынка были найдены разделанные туши директора рынка и его жены. Собственно, директор был разделан частично - у него были вырезаны всего лишь глаза, губы, язык, нос, уши и яички. На момент обнаружения он висел с перебитыми конечностями на крюке, воткнутом под ребро, был еще жив и умер только через сутки, в больнице. Над его женой поработали тщательней - она была вспорота, как свинья, от влагища до горла и вычищена полностью - от матки до трахеи, все детали осклизлой кучей лежали у ее, сведенных судорогой, ног.

Двое отпрысков разделанной пары, подвизавшиеся на том же рынке в качестве менеджера и коммерческого директора, бесследно исчезли, ночные охранники оказались выключены «перечным газом» и ничего толком сообщить не смогли, следствие сразу и с удовольствием зашло в тупик - городок был маленький, у правоохранительных органов тоже были дети, а места под солнцем явно не хватало на всех и, поскольку у почивших не оказалось объявившихся наследников, то их имущество, составлявшее половину города, плавно перешло под опеку городских властей. Ввиду открывшихся перспектив никто не заметил исчезновения жены коммерческого директора с ребенком и не обратил внимания на смерть какого-то учителя-пенсионера, найденного с отрезанной головой - ну, отвалилась голова, подумаешь, старый уже был и, уж конечно, никто не стал разбираться, куда делось его тело, наспех зарытое на краю городского кладбища. Вяло писались бумажки в конторах у правоохранителей, вяло назначались экспертизы, неспешно бродили по домам участковые в поисках дармовой выпивки и несуществующих свидетелей - и мощно взбурлила деловая жизнь, освеженная здоровым кровопусканием, через месяц, на пригородной трассе, водитель грузовика столкнулся с автобусом, угробив одиннадцать детей, новая кровь выплеснулась на асфальт, новое вино раздуло старые бурдюки заросших шерстью сердец, жизнь покатила дальше, оставляя за собой разрытые могилы, смятые бумажки и раздавленные тела.

Здесь, в этом маленьком городишке, крохотной точке на карте, точка была поставлена - кровью. В других местах кровь растекалась морями, карта планеты пропитывалась кровью, стирающей границы, города и страны. Ну и что? Верка Сердючка появилась в новом парике, в Париже открылась выставка мехов.

Глава 7

- Хорошие ножи получаются из зубца от старых вил, - сказал он, выдергивая из горна раскаленный стержень. - Если его «отпустить», отковать, а потом не закаливать. Такая сталь, не слишком твердая и не слишком мягкая, прочна на излом, хорошо держит заточку и легко затачивается. Я это вычислил эмпирически, - он нанес первый удар.

- Фирменные ножи, наверное, лучше, - заметила Берта, отходя чуть в сторону.

- Лучше, - кивнул он, продолжая равномерно вытягивать металл. - Если у тебя много денег, чтобы их использовать, а потом выбрасывать. Или повесить на ковер и показывать друзьям. Любой нож тупится. А фирменный можно заточить только специальной фрезой, камень его не берет. А механическое точило просто испортит клинок. А где ты возьмешь специальное оборудование - в лесу? В горах? - он снова сунул заготовку в горн. - Армейские ножи никогда не точат, незачем. А если ты частное, лесное лицо, - он усмехнулся, - или волчья морда, то ты должен сделать свой нож, по своей руке, по своим потребностям, и который можно заточить на любом камне, - он взял заготовку из огня. - Тебе нужно мачете?

- Нет.

Он пристукнул молотом.

- Тебе нужен кавказский кинжал?

- Нет.

Он пристукнул молотом.

- Тебе нужен венецианский стилет?

- Нет.

Он пристукнул молотом.

- Тебе нужен нож, который у нас традиционно называют «финским». Он не слишком большой и не слишком маленький, не слишком широкий и не слишком узкий, с прочной ручкой, которую крепят на заклепках, а не набивают на «хвостовик». У такого ножа толстый обух, который придает прочность, и тонкое лезвие, которое можно заточить, как бритву, у него нет никаких прибалбасов, вроде гарды, которая только мешает, - он положил заготовку в огонь. - Настоящий финский нож не прямой и не кривой, но слегка изогнут, что увеличивает поверхность режущей кромки, а острие у него острое, как шило и похоже на трехгранный штык - за счет толстого обуха. Его не полируют, как зеркало, чтобы не отсвечивал, и чтобы не оставалось царапин при заточке, эта штука не для фраера, это оружие и орудие на все случаи жизни.

Он взял заготовку и ударил по металлу.

- В жизни всегда так. Есть идеал, а есть практическая эмпирика. Совершенства можно достигнуть только в какой-то одной области. А если хочешь что-то универсальное, то приходится чем-то и жертвовать, - он усмехнулся. - Ты выше меня на полголовы. Когда я был пацаном, я хотел быть широкоплечим блондином двухметрового роста. Если бы я таким был - меня бы давно уже убили, на войне или в подворотне. Крупный человек - это цель, приметного человека легко вычислить. Рэмбо не выживают. Выживает тот, кто может спрятаться за любым фонарным столбом, кому не надо много пищи и воды, чтобы питать гору мускулов, и у кого есть иммунитет, не ослабленный анаболиками и ванной «джакуzzi», - он критически осмотрел почти готовый клинок и снова сунул его в огонь. - Быков забивают и фасуют в банки, а львов держат за решеткой в зоопарке. Выживает волк.

- Волков отстреливают, - заметила Берта.

- Точно, - согласился он, - если попадут. Знаешь, как по-фински - волк?

- Как?

- Суси. Нежное такое слово, правда? Во Франции есть королевский парк - Сан-Суси.

- Святой волк? - улыбнулась Берта.

- А черт его знает, что это значит по-французски. По-французски настоящий мужчина - это лакированный симпатяга с сережкой в ухе и в костюме от Армани, знающий толк в любви по-французски. А по-русски - это пидарас.

- Ты не мужик от сохи и не блатной, не надо корчить из себя русского мачо, - сказала Берта.

- Я не корчу, - он выхватил из огня алую полоску металла и нанес несколько завершающих ударов с оттяжкой. - Я выпрямляю скорченное. Клинок готов. Теперь осталось сделать из него нож.

Они сидели в отблесках пламени из распахнутой печи, он потягивал самодельный кальвадос из толстого стакана, она рассматривала подарок, отточенный, как бритва и снабженный крепкой, дубовой ручкой.

- Завтра я сделаю тебе футляр, - сказал он. - Из толстой кожи. Не слишком мягкий и не слишком жесткий, ты сможешь носить нож и в кармане и на поясе.

- Его можно метать? - она провела пальцем вдоль холодно блеснувшего лезвия.

- Можно научиться. Метательные ножи специально утяжелены на конце. А этот - сбалансирован для рукопашного боя.

- Я не собираюсь ни на кого махать - только бить.

- Это правильно, ножом не машут. Противник вообще не должен видеть нож, он должен его почувствовать - у себя в печени.

- Я не левша.

- Я это вижу. Ножом двигают - если двигают - в горизонтальной плоскости и в вертикальной, крестом. А удары наносят от оконечностей креста - к центру. Ты можешь достать печень правой рукой, для этого надо двигать ногами, вот и все. Но никогда не перебрасывай нож из руки в руку - выбьют или сама уронишь.

- А если у противника нож?

- Не фехтуй с ним. На тебе всегда есть какая-то одежда, обувь, головной убор. Сорви их и гаси его руку с оружием, а другой - бей.

- А если нельзя сорвать?

- Гаси голой рукой. Он тебе руку порежет, а ты его убьешь. Самое главное - быстрота. Не позволяй втянуть себя в игру, он может оказаться серьезным бойцом и переиграет тебя. Или в своих ногах запутаешься.

- У меня ноги хорошо работают.

- Глупости. Никогда не поднимай ног на противника с ножом, не своди глаз с ножа, не играй с ним в гляделки, не смотри на его свободную руку и на его ноги - это все финты. Гаси нож и бей - вот главное правило.

- Легко сказать.

- И сделать легко. Все остальное сделать намного трудней.

- А если у меня будет болевой шок?

- Никаких - «а если». Бей, режь, визжи, кусайся - побеждает тот, кто злее. У тебя есть целых семь секунд, пока ты почувствуешь боль.

- Я не боюсь боли.

- Я знаю. Ты вообще ничего не боишься, и мы оба это знаем. Для тебя главное, это держать в голове схему - схему простых действий. Для того чтобы сделать что-то, всегда есть самый простой и самый эффективный способ. Надо выучить его - а потом не думать вообще, когда действуешь. Твоя ярость должна быть холодной, как у кошки. Кошка всегда яростна, ей нет до тебя дела, даже когда она мурлычет у тебя на коленях - это самый эффективный способ жать. И она всегда холодна, даже когда дерется - это самый эффективный способ побеждать.

- Не надо говорить со мной, как сэнсэй с ученицей. Я не кошка.

- Ты не кошка, ты - бешеная сука, и мы оба это знаем. Прими от меня то, что я могу тебе дать, и ты не попадешь в капкан, тебя не подстрелят, не возьмут на ядовитую приманку - ты будешь эффективной.

Глава 8

Сухо щелкнул выстрел, с деревьев поднялись галки.

- Не так, - он положил руку на ее руку, сжимающую приклад карабина. - Сначала надо научиться стрелять по-настоящему, а потом ты можешь использовать эти финты с закрыванием одного глаза. Стрелять по-настоящему - это стрелять навскидку, путем наведения ствола и без использования прицельных приспособлений. Чтобы легче было научиться, на стволе установлен световой целеуказатель - «красная точка». Наводишь точку на цель, нажимаешь на спуск - и все. Лучшее прицельное приспособление - это два твоих глаза, оба, а не один. Каждый раз, когда ты используешь их в повседневной жизни, - ты целишься и никогда не промахиваешься. Ты же не промахиваешься, когда берешь яблоко со стола? При этом ты сводишь две оси зрения на цели, это в два раза более эффективно, чем использование одной. Эффективность - это быстрота. В бою побеждает тот, кто быстрее, а время - это главный арбитр в любом состязании. Когда ты научишься «брать» цель так, как ты берешь яблоко - ты никогда не промахнешься. Все остальное - вопрос простого вегетативного навыка, который обычно называют «твердостью руки». В принципе, это та же способность, которая позволяет тебе дотронуться пальцем до кончика носа. Целся пальцем, понимаешь?

- Я могу просто не увидеть точку.

- А вот когда ты начнешь стрелять на расстояния свыше ста метров, тогда мы установим телескопический прицел - только для того, чтобы ты могла увидеть точку, это намного эффективней, чем использовать его в качестве прицельного приспособления. Ты знаешь, сколько времени требуется снайперу для подготовки качественного выстрела?

- Сколько?

- Не менее полчаса. Он должен замерить расстояние до цели, скорость ветра, скорость движения цели, вычислить все необходимые поправки по специальным таблицам и выставить прицел, учитывая скорость пули. Но ты не можешь использовать компьютер, чтобы почесать нос, здесь не Америка, здесь тебе отобьют нос вместе с головой. Уверяю тебя, что здесь, в радиусе ста километров от места, где мы сидим,

есть человек десять, которые умеют стрелять по-настоящему - и все они научились стрелять в подворотне.

- А мы в лесу.

- Мы в лесу, в руках у тебя не обрез, не школьная мелкашка, а боевой СКС с целеуказателем, и не надо экономить патронов, у тебя больше возможностей - учись, и я научу тебя этому нехитрому делу за пару недель. Это хорошо, что ты никогда не стреляла раньше, значит, у тебя в голове нет мусора. Точность выстрела никак не зависит от крепости твоих рук, - отдача дергает ствол вверх уже после того, как пуля вылетает из ствола. Поэтому держи оружие легко, смотри вдоль ствола обоими глазами, не прижимай приклад к плечу, а располагай его по центру тела, но так, чтобы он тебе не выбил зубы. Удерживай карабин так, как ты удерживаешь шланг, поливая огород, если хочешь попасть струей в определенный куст.

- Как ты удерживаешь свой член, когда мочишься, - заметила Берта.

- Да, черт возьми, - как я удерживаю свой член. Не думай о том, как ты выглядишь, - в счет идет только результат. Пусть он лежит - я имею в виду карабин - свободно в твоих ладонях, не надо его стискивать.

- Не буду, - помотала головой Берта.

- Ну, тогда стреляй.

Она сделала три выстрела с интервалом секунды в две, затем еще шесть чуть медленней. Шесть пуль попали в мишень, нарисованную в центре толстого деревянного щита, ни одна не вышла за пределы щита. Он опустил бинокль.

- Неплохо.

- Ты был прав, - заметила Берта. - Это не так уж сложно, если не напрягаться. Давай еще патронов.

Из лесу они вернулись с зайцем, подстреленным Бертой. Она взяла его с расстояния метров в семьдесят, одним выстрелом. Дома он показал ей, как снимать шкуру «чулком» - все остальное она сделала сама.

Теперь они наслаждались великолепным заячьим рагу, запивая его великолепным кальвадосом, который он научился делать сам и предпочитал всем другим напиткам.

- Ты много пьешь? - спросила Берта.

- Теперь уже нет. Но когда-то я был алкоголиком.

- И как же тебе удалось спрыгнуть?

- Я не спрыгивал. Жизнь сбила меня щелчком, как муху с бутылки. Кончилась сладкая жизнь, кончились легкие деньги, началась жизнь суровая, в лесу, и алкоголизм кончился за отсутствием подпитки. А раз закончившись, он уже не начинается никогда, если не использовались всякие завязки. По моим наблюдениям, завязки любого рода всегда заканчиваются мощными развязками - с порывами, надрывами и возвращением на круги своя.

- Ну, тогда тебе надо дать Нобелевскую премию: ты сделал то, чего не удавалось ни одному наркологу в мире.

- Не верь специалистам. Вообще никому не верь, но специалистам - в особенности. Военные операции в Афганистане планировали генштабисты, выпускники академий, используя самую мощную военную машину в мире, - против кучки бородатых мужиков. И чем это все закончилось? Мужики научились воевать и побии генералов, со всеми их «Альфами», «Бетами» и «голубыми беретами». То же самое происходит и на Кавказе, и повсеместно. Спецназовцам, которые так славно освобождали заложников в Буденновске, заложники кричали в лицо перед телекамерами всего мира: «Сволочи, за что вы нас убиваете?» А Басаев ушел оттуда с высоко поднятой головой и добившись своих целей - прекращения бомбардировок.

- Это же не значит, что террорист и нарколог - одно и то же.

- Конечно, не значит. Это значит, что есть разные уровни заинтересованности. В чем заинтересован генерал? В карьере всего лишь, жизнь его от этого не зависит. В чем заинтересован спецназовец? В зарплате, в звездочках, в выслуге лет, в своей семье - а не в том, чтобы сдохнуть на чьих-то пулях. В чем заинтересован нарколог, уролог, зоолог, хренолог и специалист по общественным связям? В том, чтобы все считали его специалистом - это дает вес, авторитет, клиентуру и деньги. Он

может и быть чем-то, но казаться - для него намного важнее, чем быть. У него нет подлинной заинтересованности в деле, из которой вырастает подлинный профессионализм в деле. Профессионалом становится тот, у кого нет выбора, кто приперт к стенке - жить или умереть. Урка, который дрался на выживание в зоне - профессионал боевых единоборств, а не Брюс Ли. Есть сферы жизни, где невозможно ничего симитировать, где в счет идет только результат. Такова сама жизнь и такова война, которая есть жизнь. Гитлер не был генералом, он был ефрейтором - и положил под себя всю Европу. Сталин не был даже ефрейтором, он был бандитом, который научился драться до конца - и он сломал Гитлера со всей его военной машиной. Бен Ладен - профессионал спецопераций, а не спецы, которые постоянно обсераются в борьбе с ним. Но попробуй скажи об этом генералам - и они заплуют тебя, опираясь на общественность, которая готова платить за красивые глаза и красивые погоны - и всегда ложиться под победителя. Никогда не становятся подлинными профессионалами выученики каких-нибудь школ - профессионалом можно стать только в одиночку. Это касается духовной войны так же, как и любой драки - у Будды и Мохаммеда не было учителей. Нельзя достичь высот ни в каком деле, полагаясь на школу, структуру, корпоративные связи и государство - это подпорки, которые лишают идущего своих ног.

- Без школы ты не выучил бы даже таблицу умножения.

- Конечно. Кто-то научил Толстого азбуке, а Парацельса - анатомии. Но Парацельс стал Парацельсом не благодаря, а вопреки тогдашней медицинской школе, и Наполеон стал Наполеоном вопреки тогдашней военной науке.

- Ты не Наполеон.

- Я не Наполеон, я - одинокий убийца, так же, как и ты. Но я научился сам себя лечить, делать себе хорошие ножи и стрелять лучше любого снайпера. Это мелочь по сравнению с Наполеоном. Но что такое Наполеон по сравнению с моей жизнью? А я научился жить так, чтобы не было страшно умирать. И тебя научу, если ты захочешь.

Глава 9

Она захотела. Но, пытаясь сформулировать для нее некоторые простые вещи, он обнаружил, что одно дело научиться самому, за срок пять-то лет, смотреть на себя в зеркало, а другое дело экстерном научить этому кого-то другого - великим педагогом он не был. Вот когда они действовали в паре, по зачистке работников рыночной экономики, - это было легко. А когда праздник закончился, и наступили серые будни - зверь заснул в своей клетке, и его не могло разбудить даже ежеутреннее журчание струи, которую Берта с маниакальной щедростью вливала в черепа своих врагов. Когда, много лет назад, он впервые пролил человеческую кровь, а это случилось на войне в Таджикистане, где он убил трех человек сразу, он думал, что это мощное переживание навсегда изменит его жизнь. Но ничего оно не изменило - уже через год-полтора он напрочь забыл свои тогдашние ощущения, как будто это произошло с кем-то другим. Ему понадобилось еще пятнадцать лет пробултыхаться в кровавой грязи этого мира, в той из его множества сточных канав, которую он сам выбрал в качестве линии своей жизни, чтобы прочесть руны, написанные дерьмом и кровью на лбу у каждого новорожденного младенца - ЭТО АД. И с удивлением обнаружить, что и тогда он не потерял аппетит к жизни, в его жилах струилась та же восхитительно пахнущая смесь, что и у любого из живущих. И обнаружить - почти без удивления - что этот запах пробуждает зверя, который делает возможным все. Все. Человек был дрянью, зреющей в гадючьем яйце, в теплом дерьме выгребной ямы, но, вылупившись, он становился дрянью летающей и, воспарив на кожистых крыльях в вонючих потоках породившей его атмосферы, становился способным на все, отражаясь во всем, что ниже его. Но как было объяснить эти простые, канализационные истины, видные сверху - другому яйцу? Разве что сесть ему на голову и попытаться высидеть своим примером - он устал парить в одиночестве. Таня боялась его, и он знал это, Таня управляла им, как хотела, но - стоя на земле, Таня не была летучей тварью - она была ползучей змеей, коброй с гипнотическими очами. Проблема состояла еще и в том, что полет никогда не длился долго - без горючего тварь падала вниз, теряя обзор и

тупо барахтаясь в поверхностной грязи, не будучи в состоянии ни воспарить, ни свернуться в яйцо, ни уползти в щель. Никакая синтетика ей не подходила, тварь летала только на чистом, природном горючем. Раньше ему не раз приходилось видеть маньяков и серийных убийц в клетках, и он всегда удивлялся - почему они выглядят такими серыми, такими безжизненными? Теперь он понимал, почему. У него хватало эстетической брезгливости, чтобы не уподобиться этим гоблинам, и хватало ума, чтобы не попасть в клетку. Был ведь и другой способ достать горючее - открыть охоту на гоблинов. Чувство справедливости - великая вещь, оно уже миллионы отправило на тот свет и еще миллионы отправит. Илья Муромец - он ведь тоже убивал, не так ли? И Робин Гуд, и д'Артаньян, и Бампо Кожаный Чулок, и даже Иван-Царевич - как он этого Кощея? На гоблинов охотиться, на чудищ всяких - это вам не девочек в подворотнях душить, это благороднейшая вещь, настоящая мужская работа. А результат тот же самый. Ланцелот и Чикатило, с точки зрения любого, непредвзятого тамбовского волка - это деятели одного и того же порядка. Но умный тамбовский волк берет в руки какой-нибудь Эскалибур, а не кухонный нож - и собаки общественной морали удовлетворены, они с упоением грызут мясо того типа, который на данный момент считается драконом. Тамбовскому волку, как бывшему волкодаву, хорошо было известно, что прежде, чем поймали Чикатило, за его преступления успели расстрелять, по меньшей мере, трех, ни в чем не повинных, людей - под рукоплескания общественности. И как бывшему правоохранителю, ему хорошо было известно, через что пришлось пройти этим несчастным перед смертью.

Берта была умной девочкой и университетски образованной, ее папа, который, может быть, и был отцом ее ребенка - тамбовскому волку приходилось видеть всякое - позаботился об этом. И она была бешеной сукой - он это знал. Но ей еще предстояло узнать, как удовлетворять свой никогда уже не удовлетворимый голод и не сдохнуть раньше, чем он успеет ее научить. Проблема научения состояла в отсутствии формально-логических способов научения и в дефиците времени, она могла поехать крышей, упражняясь со своими черепами - требовалось действие, а пока зрели варианты сценария, следовало занять ее курсом молодого бойца.

Глава 10

- Ты хорошо развита физически. Занималась спортом?

- Специально - нет. Но в школе у меня неплохо получалась легкая атлетика. Потом бегала на лыжах зимой, летом плавала, пока не познакомилась с той мразью. А в университете я даже некоторое время ходила на карате, не долго.

Они находились в небольшом спортивном зале - полированное дерево и куча дорогостоящего металла - который его жена оборудовала, чтобы гонять свои жировые складки.

- Чем наносят удар? - переспросил он.

- Ну, чем... Кулаком, ребром ладони...

- Выбрось из головы эту чушь. Такие штуки может себе позволить только профессиональный боец. А у тебя суставы вылетят или запястье сломаешь. Человеческая кисть, слишком тонкий инструмент, чтобы бить ею по башке. Можно, конечно, научиться, но это то же самое, что использовать микроскоп как кувалду.

- Чем же бить?

- Локтем. Локтевые удары - самые мощные и безопасные для исполнителя. Локтем женщина может ударить сильнее, чем здоровый мужик - кулаком. И локтевой удар - хитрый, кисть, сжатая в кулак, проходит мимо носа, а локоть бьет в висок и вышибает мозги напрочь. Локтем можно вбить глаз внутрь черепа так, что он из затылка выскочит. А кулаком ты попадешь в бровь, а не в глаз.

- Мне объясняли, что женщина должна бить ногой по яйцам.

- Еще одна чушь. На самом деле попасть в мошонку очень трудно, только если дурак сам расставит ноги, иначе не попадешь. Не рассчитывай на дурака - поймут за ногу и стукнут затылком об асфальт. Кроме того, яйца живут своей собственной жизнью - в момент опасности они сами прячутся в специальные, природой предусмотренные, паховые пазухи.

- Первый раз слышу.

- Ну, так слушай и запоминай, - он ухмыльнулся. - Ебари тебе об этом не расскажут. Мошонку легче всего достать сзади, когда атакую-

щий промахнулся, проскочил вперед и расставил ноги, чтобы удержать равновесие. Вот тогда его и бьют - сзади. А вообще, за яйца надо хватать рукой.

- Хватать?

- Хватать и сжимать. На Востоке так убивают баранов - без ножа. Но для быков способ тоже годится. А если ты бьешь в пах спереди, то делать это надо коленом. Хватаешь за одежду на груди, рвешь на себя и бьешь одновременно - это старый ментовской прием, очень действенный. И знают про него, и все равно ловятся - в такой момент внимание рефлекторно переключается на верхнюю часть тела, а про яйца забывают. А удары коленом - самые сильные, особенно если повернуть удар поясницей: намного сильнее, чем удары стопой, да и безопасней - стопы, пальцы и голень очень легко повредить.

- Но, чтобы ударить коленом или локтем, надо подойти вплотную.

- А это твой единственный шанс - прорваться вплотную. Не строй иллюзий, любой здоровый мужик забьет тебя на расстоянии.

- Не любой...

- Согласен, ты очень крепкая девка. Но рассчитывать надо всегда на более сильного противника: если рассчитывать на слабака, так незачем и учиться.

- Я все равно не научусь, на это годы нужны.

- Очередная чушь. Которую придумали торговцы каратизмом, чтобы сдирать бабки с учеников. Если ты будешь крепко держать в голове основы, которые можно усвоить за час, и освоишь толком три-четыре приема, которые подходят персонально для тебя - тебя никто не побьет. При этом надо помнить, что физическая сила и выносливость как были, так и остались базой для всего - без этого тебе никакие приемы не помогут.

- Мне поможет злость.

- Точно. Тебя почти ничему не надо учить, ты сама все знаешь. Но знать мало. Ты знаешь, что я сделал, когда впервые увидел нож?

- Что?

- Я обоссался. Я не мог сдвинуться с места, застыл, как столб. А ведь я считал себя тогда подготовленным бойцом.

- И что случилось дальше?

- Дальше - ноги проснулись и унесли меня с места событий. А потом голова задумалась - почему со мной случился такой конфуз? Я же тысячу раз делал приемы по выбиванию ножа.

- И почему же с тобой случился такой конфуз?

- Потому, что нож был резиновым, вот почему. Моя нервная система не была готова к встрече со сталью. А вот когда я впервые пошел в атаку на пулемет, я не боялся. Знаешь, почему?

- Почему?

- Потому, что я не видел и не слышал пуль - это дурная храбрость. Когда я был пацаном, меня били уличные пацаны, как собаку. А я был сильнее многих из них.

- Почему же они тебя били?

- Потому, что они были привычны, их нервные системы легко входили в состояние, нужное для драки. А я впадал в ступор. С другой стороны, на войне мне пришлось учиться кланяться пулям, чтобы они не отбили мою дурную башку. Нервная система - это машина. А ты - не нервная система, ты - водитель машины. Как ты ее заправишь, как ты ее поведешь - так она и поедет. Но ты никогда не будешь знать, как она поведет себя в реальных обстоятельствах, пока гоняешь ее только на тренажерах.

- Значит, тренироваться не к чему?

- Очень даже есть к чему - в гараже сгниет твоя машина. Но есть фактор, который определяет все и стоит выше всякого тренинга.

- Какой фактор?

- Ты знаешь, какой.

- Злость?

- Точно. Ты когда-нибудь видела, как дерутся вокзальные бляди?

- Бог миловал.

Он ухмыльнулся, потер пальцем бровь.

- Я начинал свою работу в милиции в патрульно-постовой службе. Однажды нам пришлось задерживать одну такую. Это была старая уже потаскуха, пропитая насквозь, а нас было трое здоровых, молодых парней. Не знаю, что на нее нашло, но она взорвалась, как бомба. Она стала

похожа на циркулярную пилу, честное слово. Она визжала, била всеми четырьмя конечностями и хватала зубами...

- Могу себе представить.

- Нет, не можешь. Это на словах выглядит смешно, но уверяю тебя, я видел серьезных урок в драке - так она была страшнее. Чтобы просто скрутить ее, не было и речи, мы достали дубинки.

- И что, задержали?

- Ни хрена не задержали. Она сломала одному парню руку, его же дубинкой, другому выбила глаз и ушла, перепрыгнув на стройплощадку через двухметровый забор - это с ее-то жирной задницей! Ее отловили на следующий день, спящей на лавке, и дали пять лет.

- Око за око?

- Не только за око, - он оскалился. - Мне она вышибла новые фиксы, хорошие такие фиксы были, почти золотые, я их потом так и не нашел. Пока она нас товарила, какой-то добрый человек подобрал их и унес, на бутылку пива сменял, наверное, дай бог ему здоровья.

- Ты эту притчу рассказал, чтобы вразумить меня примером?

- Тебя не надо вразумлять, ты сама пример. Тебе надо запоминать свои аффекты, если они были эффективны, впечатывать их в свою нервную систему, и тогда они сами возникнут - в тех же ситуациях и с тем же результатом, без затраты времени на рефлексию. Побеждает тот, кто не думает. А два сигнала противоположного свойства - бить или не бить - разорвут твою нервную систему и введут тебя в состояние ступора, пока противник будет бить тебя по голове. Если ты способна бить по голове сразу и чем попало - ты будешь сбивать каратистов, как кегли, пока они только подумают, чтобы встать в свою стойку. Поэтому я и говорю тебе постоянно: не позволяй втягивать себя в игру. Бей шахматной доской по голове - и ты выиграешь у любого гроссмейстера. Есть надежный способ побеждать всегда - бить первым, изо всех сил и по голове. Боевое искусство - это искусство единственного удара, все остальное - чушь для фраеров. Поэтому сделай мне одолжение: разомнись слегка и поработай полчаса вот с этими гирьками - мне приятно смотреть, как ты двигаешься.

- Ты уже больше получаешь смотришь на мою грудь и задницу, тебе не хочется посмотреть, как я трахаюсь?

- Хочется, но тебе нельзя. Люди наивно полагают, что трахнуть - это что руки помыть. Но они глубоко заблуждаются, в этот момент происходит мощный обмен между телами, а тебе сейчас совершенно не нужен чужеродный белок.

- Можно обойтись без белка, ты взрослый человек и знаешь, как это делается.

- Белок - это не только сперма, но и пот, и феромоны, и слюна, и даже дыхание.

- Почему мне может повредить твой белок?

- Ты понимаешь, что с тобой происходит?

- Буду счастлива, если ты объяснишь.

- Это можно объяснить так, как объясняет Таня. Она объясняет понятно, но ее объяснения не имеют подтверждений в твоём повседневном опыте. Это можно объяснить в терминах физиологии, научная терминология тоже не имеет подтверждений в твоём повседневном опыте, но она опирается на твою базу данных, и поэтому ты можешь ее интерпретировать.

- Не принимай меня за дуру, а просто объясняй.

- Хорошо. Все, что происходит в организме, включая психические процессы - это интерпретации белка. Нервные клетки обмениваются сигналами при помощи молекул белка. Электрическая активность, которая при этом возникает, является следствием, а не причиной нервной деятельности. Содержимое твоего мозга, твои мысли, чувства, воспоминания - можно собрать в пробирку, но нельзя записать на дискету, понятно?

- Понятно.

- Очень мощный стресс разрушил связь между той частью нейронов твоего мозга, которая являлась твоим «Я». На некоторое время ты перестала существовать. Если бы это продолжалось долго, твой организм умер бы вслед за тобой, поскольку все органические процессы тоже контролируются из этой точки.

- Так же, как умерла моя дочь?

Он помолчал.

- Да. Таня не смогла ничего сделать для нее. Но она смогла включить твою разрушенную связь.

- Как она это сделала?

- Ты не можешь думать, что я располагаю истинами в последней инстанции. Я могу только объяснить тебе так, как понимаю сам. Я не знаю - как. Но я знаю, что разрушенная связь не может быть восстановлена идентично. Ты теперь другой человек. И ты продолжаешь строить себя из своего собственного белка. Теперь ты понимаешь, почему я не могу участвовать в этом строительстве? Я хочу, чтобы ты была собой, а не мной.

- Я интерпретирую твой белок так же, как я интерпретирую белок колбасы.

- Нет.

- Почему нет?

- По той же причине, по которой колбаса не может оплодотворить твою яйцеклетку, для этого требуется другая колбаса - с яйцами.

- Не надо мне объяснять, откуда берутся дети. Но множество женщин принимают сперму в оба конца пищевода, даже втирают в кожу головы - чтобы лучше росли волосы, и у них не вырастают яйца или члены на голове.

- А никто не может знать, каковы отдаленные последствия таких экспериментов, никто их не контролировал. Сперма - это магическая вещь. Я знаю это, потому что так мне сказала Таня.

- Таня, Таня... У тебя свои мозги есть?

- Есть, но мало. Множество вещей я не могу ими понять - нет ответов на путях рационального мышления. Ты знаешь, откуда берутся дети. А ты знаешь, КАК они берутся? Этого не знает даже Господь Бог, которого нет. А Таня знает. Таня - это магия. У нее нет ответов, но у нее есть действие. А в счет идет только результат, а не болтовня. Ты жива, настолько жива, что даже катишь на меня бочку - это результат. Мои белково-биологические объяснения ничего не объясняют и не могут объяснить - это только подпорка для моих и твоих мозгов, чтобы они не съехали с катушек. Настоящие тайны необъяснимы. Но

у меня есть тайна для тебя, которую я могу объяснить, но не стану этого делать.

- Почему не станешь?

- Потому, что я не хочу быть тобой.

Глава 11

Время шло, наступила оттепель, приближался сороковой день со дня смерти девочки, но сценарий действия еще не вызрел, еще не пророс сквозь талый снег на тропе войны, истоптанный ногами ее матери.

Они возвращались со стрельбища, Берта легко несла на плече карабин, остро пахло хвоей, в сыром воздухе разносились крики галок.

- Странное дело, - сказала она. - Я постоянно помню о дочери, но чувствую себя так, как будто бы ее никогда не было, как будто я прочитала о своей прошлой жизни в какой-то книжке, - она помолчала. - Если бы со мной не произошло то, что произошло, я бы сейчас сидела перед телевизором и поглядывала на часы, чтобы не пропустить время, когда вести девочку к учительнице английского языка.

- То, что с тобой произошло, это не беда - это трагедия, полный обвал, - сказал он. - Но если бы этого не произошло, ты бы никогда не имела возможности встать перед собой лицом к лицу.

- И увидеть волчью морду, - усмехнулась она.

- А что ты надеялась увидеть? Ангела? Лет через пять-шесть ты бы увидела жирную телку в бриллиантах, если бы твой муж продолжал нежно любить тебя и дочь, продолжая оставаться все тем же базарным фуфлом.

- Знаешь, учитель, любое нежное базарное фуфло - лучше, чем ты.

- Только не для тебя.

- Почему? Мне нравилось быть телкой, я хотела быть счастливой матерью, я хотела быть хорошей женой. Я не хотела быть бешеной сукой.

- Да, конечно. Ты не хотела, чтобы твоя дочь умерла, ты не хотела, чтобы тебя облили бензином, ты не хотела, чтобы твой муж отрезал голову твоему отцу. Но все это произошло. Потому что миру плевать на то, что ты хочешь, он не является тем, что ты о нем думаешь, а ты есть то, что ты есть, а не то, чем тебе хотелось бы быть.

- Все могло бы быть и по-другому.

- Могло. Но это не значит, что ты могла бы быть счастливой - были и посчастливей тебя, которые полезли в петлю от такого счастья. Чего не хватало принцессе Диане? Она была любимицей нации, принцессой крови, с внешностью, которой завидовали фотомодели, женой принца, матерью двух очаровательных детей. И она бросила все и размазалась об столб с каким-то черномазым купцом, и папарацци фотографировали ее измочаленное тело, с задранной на голову юбкой. А чего не хватало Мерилин Монро - богатой женщине, сексимволу Америки, по которой сохли миллионы мужчин, любовнице президента? Почему она покончила с собой? Потому что нет счастливых. Когда человек беден - он страдает от бедности. Когда человек богат - он страдает от богатства. Если он уродлив - то страдает от своего уродства, а если красив - то от своей красоты. Счастье существует только в глазах зависти. Когда люди видели богатого и красивого Элвиса Пресли - кто мог предположить, что он сдохнет от героина? Зачем этому счастливчику понадобился героин?

- С жиру взбесился. А у меня не было «мерседеса» и я в глаза не видела героин.

- Что не помешало тебе увидеть смерть своего ребенка. И никто не знает, что ждет водителя «мерседеса» за следующим поворотом дороги. Любая дорога ведет в ад, независимо от того, бредешь ли ты по ней с нищенской сумой или катишь на «мерседесе». Ты представляешь, как грызет себе локти Сорос, зная, что придется умереть и оставить свои миллиарды шакалам?

- Плевать мне на Сороса.

- Правильно: плевать. И на всех счастливых и несчастных этого мира - тоже плевать. А на себя - не плевать. Ты жива, хочешь ты этого или не хочешь. Тебя швырнули на эту дорогу, независимо от твоего желания, она закончится там же, где и началась - в аду. И ты будешь страдать, идти, ползти или мчаться, гонясь за счастьем и увеличивая страдание - по кругу.

- Нет!

- «Нет» скажи дороге.

- Нет!

- Не позволяй ей втягивать себя в свою игру! Не иди по ней, не ползи с нищенским посохом, не мчись в «мерседесе» - уйди с дороги, замри в засаде и охотись на все, что идет, ползет или мчится. Стань охотником, установи свои правила игры - это единственный способ побеждать.

- Стоя на обочине?

- Сидя в засаде. Выжди - и бей, бей наверняка, ничего не оставляя случая. Нейтральных нет. Есть охотники, и есть жертвы. Единственное, чего не может охотник - это прекратить охоту. А жертва не может ничего.

В этот вечер учителю пришлось, в очередной раз, научиться кое-чему о самом себе. Он сидел в засаде - со стаканом кальвадоса в руке - и слушал, как шуршит снимаемая одежда за дверью ванной, куда удалилась ученица, чтобы смыть пот боевой и политической подготовки. Дверь оказалась приоткрытой, может быть - случайно, и он мог видеть в щели мелькание обнаженного тела, не будучи в состоянии определить, что именно видит. Кто на кого охотился? Он усмехнулся и отвел глаза, но уши продолжали прислушиваться, а воображение - монтировать кадры, в соответствии со звуковой дорожкой: вот она подняла колено, переступая через край ванны, вот она чуть нагнулась, регулируя краны, пошла вода, она подняла руки к груди - он попался. Он ухмыльнулся еще шире, вспомнив, как обучал Берту ментовскому удару коленом.

- Они знают, - говорил он. - Но все равно попадают, потому что внимание рефлекторно переключается на грудь, а про яйца забывают.

«Не забывай про яйца», - сказал он сам себе и ушел в свою спальню, забаррикадировавшись изнутри глухотой запертой двери.

Глава 12

Следующим утром действие проросло - звонком из Парижа.

- Я хочу приехать. Ты не против? - спросила бывшая жена и бывшая любовница.

- Не против. Но у меня женщина.

- О... - в трубке возникло молчание, затем смешок. - Ты времени не теряешь.

- Это не моя женщина. Она... крестница Тани.

- Тоже цыганская ведьма?

- А куда ты дела своего Владимира? Он уже не владеет твоим сердцем?

- К черту Владимира. У Эвелины проблемы.

Эвелина была тем единственным, что они нажили условно-совместно, она училась в частной школе в Арле.

- Какие проблемы?

- Те же, что и раньше. Я же не могу везти ее в Штаты - там она найдет то же самое.

- Приезжайте.

- Сегодня вечером. Я так понимаю, что ты не склонен встречать нас в аэропорту?

- Ну...

- Ладно, не напрягайся, сами доберемся. Только пусть твоя цыганочка наденет трусы перед нашим приездом.

Он молчал.

- Пока, - сказала она, не дождавшись ответа.

- Пока.

- Сегодня вечером приедет моя бывшая жена с дочерью, - сказал он Берте за завтраком. - Жена - стерва. У девчонки проблемы с наркотой. Я прошу тебя, во-первых, не ввязывайся, во-вторых, постарайся сделать вид, что ты хорошая девочка.

- Хорошо. А тебе я кто?

- А кто ты мне?

Они помолчали, глядя друг другу в глаза.

- Вот на том и остановимся, - заключил он.

До приезда родственников он, ничего не оставляя случаю, проконтролировал территорию на предмет сокрытия следов изысков и эксцессов - ему не хотелось, чтобы Эвелина наткнулась на некоторые аксессуары быта Берты, или Рита, любившая шарить по углам, обнаружила в горне чьи-то недогоревшие зубы. Автомобильный хлам, непригодный к переплавке, он давно сплавил в ближайший омут недалекой речки, а чистый металл стоял в аккуратных болванках в кузнице, ожидая нового рождения в огне. Он скормил собакам остатки замороженного мяса, выбросил увядшие без употребления розги и еще раз протер полы в помещениях хлорированной водой - теперь он был чист перед Богом и людьми. Берта продолжала носить его джинсы, его белье носки, свитер, ботинки и куртку, но Рита не так хорошо знала его гардероб, чтобы заметить это.

- Ты замел все следы, - заметила Берта, наблюдавшая его хлопоты. - Кроме следов на моей заднице.

- Еще остались? - удивился он.

- Еще как остались. Я полагаю, это последствия моего лечения?

- Да. Таня потребовала, чтобы я отхлестал тебя - для пользы дела.

- А ты больше ничего не делал - для пользы дела?

- Нет. А ты не полагаешь ли, что я изнасиловал тебя, бессознательную?

- Я не была так уж бессознательна, Я помню боль, но она, почему-то, связана в моих воспоминаниях с наслаждением.

- Наслаждение - это ослабленный вариант боли.

- А боль - это усиленный вариант наслаждения?

- Да. Нервный механизм, который задействован в том и другом случае - один и тот же. Недаром люди кричат и от боли, и от оргазма.

- А когда в механизме что-то перемыкает - получается мазохизм?

- Да. Но в этом механизме перемыкает все, причем - постоянно и изначально.

- Что ты имеешь в виду?

- Все. Человек - изначально неестественное существо, перманентный извращенец.

- Это как?

- Он может выжить только в искусственной среде - в микроклимате очага, печки или кондиционера. Чужая шкура, надетая для сугреву - это уже извращение. Так же, как и жрать мясо, имея зубной и пищеварительный аппарат, приспособленный для растительной пищи. Эти странные привычки сбили все естественные биоритмы, в том числе и сексуальный. Человек может трахаться в любое время года и научился множеству странных способов извлекать кайф из сексуального инстинкта.

- Например?

- Например, он изобрел поцелуй - чудовищное извращение с точки зрения любого нормального животного. И научился считать половые запахи отвратительными, хотя природа наделила человека специальными органами для выделения и распознавания этих запахов. Нюхать и лизать половые органы - это нормальный способ полового поведения для всех млекопитающих, а вот засовывать свой язык кому-то в рот - это извращение, такое же, как и привычка балдеть от синтетических дезодорантов. А венцом всех извращений является любовь - половой психоз, который выражается в ненормальной и хищнической фиксации на особи противоположного пола, мании. Но пика своей аморальности, по уровню злоумышления против норм Природы, любовь достигает в браке.

- Почему?

- Потому что брак является препятствием к нормальному размножению вида.

Берта рассмеялась:

- Нисколько не является.

- Это потому, - он ухмыльнулся, - что природная извращенность человека столь велика, что он научился аморально нарушать даже самые аморальные из своих институтов.

Они расхохотались вдвоем.

Над лесом давно уже взошла холодная луна, когда у ворот заурчал автомобильный мотор, залаяли собаки - прибыла делегация из Парижа.

Глава 13

- А вы не раскинете ли для меня картишки? - спросила Рита, отставляя пальчик и берясь за бокал привезенного с собою шампанского. Они сидели за представительно накрытым столом, Рита не сняла красных лаковых сапог, Эвелина, полуотвернувшись, мрачно смотрела в огонь голландской печи.

- Я не умею гадать, - ответила Берта.

- Как?! - Рита широко раскрыла великолепные, загнутые ресницы.

- Вы же, э-э-э... крестница цыганки. И не умеете гадать?

- А вы умеете пользоваться терафимом? - спросила Берта.

- Что?

Рита не поняла иностранного слова, но, учуяв подвох, сузила тигриные глаза.

- Это такая штука, которую ваши предки применяли для предсказания судьбы, - пояснила Берта.

Багровая волна начала заливать лицо Риты, от мраморной шеи.

- Не любим евреев? - наконец, выдавила она - самое глупое, что можно было сказать в данной ситуации.

- Отчего же? - Берта широко усмехнулась, увидев, что противник открылся, ее белые зубы сверкнули в пламени свечей. - Очень даже любим. Даже знаем, что такое терафим.

Он с удивлением покосился на нее, он не подозревал в этой женщине такой светской изощренности в фехтовании словами. Берта была одета в джинсы, толстые носки и застиранную ковбойку, но ее грудь распирала рубашку, у нее была тонкая талия, крепкая задница и стройные ноги - она всегда была во всеоружии.

Эвелина посмотрела на нее с интересом.

- А как применяли терафим?

- Его ублажали жертвой, а потом вопрошали о будущем.

- Это был идол?

- Эвелина! - Рита не была сильна в еврейской истории, как, впрочем, и в любой другой истории, но надо было перехватить инициативу.

- Перестань заниматься глупостями, тебе есть о чем подумать!

Серые, грозовые глаза Эвелины потемнели.

- Перестань затыкать мне рот!

- Не смей так разговаривать с матерью!

- Перестаньте! - он пристукнул ладонью об стол, тихо звякнул хрусталь. - Перелет на вас подействовал или недолет - но, по-моему, вам надо принять душ и лечь спать, а не наливаться шампанским.

- С каких это пор мы стали такие правильные? - насмешливо протянула Рита. - Ты хочешь поскорее отправить нас баиньки, чтобы как следует гульнуть со своей подружкой? Времени не было?

Так было всегда и все начиналось сначала, из любого момента жизни Рита легко соскальзывала в привычную стихию склоки, и ее могла остановить только пощечина или задираание юбки на голову. Впрочем, рука у нее была и у самой - тяжелая и быстрая, но, раздвинув ноги, она уже не могла на них устоять и падала на спину, надежно и быстро, открывая рот только для того, чтобы издать вопль оргазма, может быть, поэтому ее так часто валили на спину - чтоб заткнулась. Он хорошо знал оба способа и понимал, что в данной ситуации оба они неприменимы, но понятия не имел, как вести себя с Эвелиной. Рита увезла ее в Штаты, когда той едва исполнилось четыре года, в следующий раз он увидел дочь уже четырнадцатилетней, когда у нее впервые возникли проблемы с наркотой, потом - еще пару раз, но без всякого общения, - слишком много времени отнимала мама. Теперь Эвелине было семнадцать лет, и он не знал, как вести себя в присутствии этой, незнакомой, фактически, девушки.

- Не стоит так волноваться, - сказала Берта, обращаясь к Рите.

- Вы приехали к бывшему мужу, вы привезли дочь к отцу, а я здесь всего лишь в гостях. Мы сидим за столом, мы пьем хорошее шампанское, и никто не претендует ни на чье место под солнцем. Или под луной, - она усмехнулась. - Совсем не обязательно спать. А если вы хотите искупаться с дороги - я могу затопить баню. Хотите?

Рита была не настолько глупа, чтобы принять ход Берты за заискивание, но предложение позволяло ей выйти из ситуации, сохранив лицо и даже надменное выражение на нем.

- Хочу, - сказала она, подняв несколько располневший, но все еще римский подбородок.

- Ну вот и чудесно. А пока баня будет топиться, мы можем гульнуть коллективно, а не разбегаясь по углам. Я бы выпила водки.

- Бздите от шампанского? - не удержавшись, спросила Рита.

- Нет, - легко ответила Берта. - Но в вашем возрасте это может случиться.

И направилась к двери, не оставляя Рите времени для ответа, плечи Эвелины мелко затряслись. Стиснув зубы, он встал за водкой.

- Ну, принеси ей уже и соленый огурец, - нашла Рита, прекрасно умевшая занюхивать самогонку рукавом, но было уже поздно - за Бертой захлопнулась дверь.

Баню можно было протопить и наскоро, электричеством, но Берта предпочла повозиться с дровами, видимо, для того, чтобы дать возможность Рите выпустить пар. Но выпустить пар из этого атомного котла могла только настоящая драка или настоящий перепихон, или настоящее гульбище, эта женщина могла уморить любого коня и уйти, оставляя за собой горящие избы и перевернутые трактора. И он выставил литр сумасшедшей крепости кальвадоса в смутной надежде, что до парилки дело не дойдет.

- Почему вы убежали? - крикнула Рита, когда Берта через полчасика, затопив баню, вернулась в дом. - Не надо меня бояться! Пусть мои враги меня боятся, а любовница моего любовника...

- Моя любовница, - закончил любовник.

- Фу, какой ты невыносимо пошлый.

- Она, - мой друг, товарищ и брат, я хочу выпить на брудершафт!

Атмосфера разрядилась - как в центре циклона, французское шампанское было забыто, еще через пол-литра кальвадоса Рита заявила:

- Я приглашаю всех в баню!

- Мама!

- Что мама? Это моя баня, я ее построила, это единственное место на земле, где я могу преклонить голову.

- Там нельзя преклонять голову, - заметила Берта. - Можно угореть, Может быть, отложим до завтра?

- Ха-ха, - раздельно сказала Рита. - Признайтесь, вы просто боитесь встать рядом со мной голой.

- Это я боюсь, - поспешил признаться он.

- Чего ты боишься, маленький? Что я оттащу тебя за...

- Мама!

- Молчи, Эвелина! Мы должны знать, чего боится твой папа.

- Я боюсь, что если мы там преклоним головы, все вместе, то некому будет нас оттуда вытаскивать за ноги. Я останусь на часах. Я буду подбрасывать дрова.

- Что? Одень себе часы на...

- Мама!

- ...И засекай по ним время, чтобы не перегреться. Сначала он вводит женщину в заблуждение, а потом - он будет подбрасывать дрова. У тебя что - больше нечего подбросить? Признайся, ты просто боишься...

- Встать рядом с тобой голым, - закончил он.

У Риты были замашки бандерши, Рита была самой склочной и самой развратной бабой из всех, которых он когда-либо знал, и Рита была единственным человеком в мире, рядом с которым он мог встать голым и не чувствовать волчьей шерсти на своем теле, пока была Рита - в Париже, в Нью-Йорке, в Куала-Лумпур - у него оставался шанс. Он презирал этот шанс, как он презирал и Риту, и всех людей вообще, он презирал себя, за неспособность отказаться от этого шанса, но не находил в себе сил отказаться от него. Берта была шансом отказаться от шанса - полным мраком, падением в нечеловечность, последним нажатием курка. Разумеется, дело было не в половых играх с обеими женщинами - дело было в нем, - но и в играх тоже. Поэтому он зарядил свой револьвер для русской рулетки двумя патронами - Ритой и Бертой - и сказал:

- Ну ладно, раз так. Баня - место мистическое, вход туда свободный, выход - как получится. Пошли, что ли?

И встал из-за стола.

Глава 14

В очередной раз он тоскливо восхитился, глядя на роскошное тело Риты, Берта выглядела подростком рядом с ней. Рита была лет на пятнадцать старше и килограммов на пятнадцать тяжелее, что не мешало ей сиять, как солнце - солнце женственности - до тех пор, пока она не открывала рот. Но открывать рот в бане - дело довольно затруднительное, если баня настоящая. А баня была настоящей, и некоторое время, пока тела не адаптировались, он мог без помех любоваться своей бывшей женой. Рита могла чувствовать такой взгляд, даже направленный из космоса, даже через полтора метра железобетона, в ее тело был встроен прибор, регистрирующий такие сигналы, и она реагировала мгновенно, безусловно и мощно - от бомбы с дистанционным взрывателем ее отличала только способность к многократному использованию. Она лучше других женщин знала, что есть что в мире секса, что законы его незыблемы и не подлежат коррекции при помощи эпиляторов и бытовой химии, она знала, что самка - притягательнейшая из женщин, а куклы Барби - мусор цивилизации. У нее была от природы великолепная, гладкая кожа, и она никогда не находила нужным удалять волосы под мышками или уродовать бритвой роскошный черный треугольник внизу живота, Малевич мог отдыхать со своими квадратами - от этого черного треугольника ни один нормальный мужчина не мог отвести глаз, когда она появлялась на пляже в условном клочке бикини под слегка выступающим животом, фотомодели готовы были вышибить кулаками выкатывающиеся глаза своих мужиков. Рите было плевать на условности моды, условности приличия или условности неприличия, тоже живущего по своим правилам, она хотела, чтобы ее хотели безусловно - и ее именно так и хотели.

Наконец Рита разлепила ставшие алыми от водки и жара губы.

- Вам надо лучше питаться, дорогая, - сказала она, бросив снисходительный взгляд на крупную и крепкую, как мраморная статуя, Берту. - Вы что-то дохловато выглядите. Да и соски у вас почему-то синие. Цианоз?

Берта молча опустила ресницы и повернулась к ней поблескивающим от пота задом.

- Гос-с-поди Ис-с-сусе! - Рита всплеснула руками, перстни брызнули разноцветными искрами. - Да вас, похоже, не хило отстегали по жопе! - Она метнула в него кинжальный взгляд через плечо. - Ты?

- Я.

- Ну и дела у вас тут делаются, - Рита опустила на лавку, бесильно раскинув круглые колени. - Тебе уже недостаточно бить женщину просто по мордасам?

- Это входило в курс лечения, Таня посоветовала.

- А-а-а, Таня. И от чего же ты лечил бедную девочку? От геморроя?

- От простуды.

- А-а-а, от простуды. А ты не пробовал вставлять ей в зубы конский мундштук? Говорят, помогает - когда уже нечего вставить.

Берта расхохоталась.

- У вашего бывшего мужа, Рита, железная нравственность.

- Что? Он докатился уже до этого? Он истязает женщину нравственностью? Ну-ка, ну-ка, - она воткнула в него презрительный взгляд - как вилы в коровью лепешку. - Покажи-ка, что ты там прячешь, между ног?

Несмотря на ясное осознание того, что бывшая жена делает из него клоуна, он ощутил эрекцию - под взглядом Риты и ввиду ее раздвинутых колен мог распрявиться даже прошлогодний мухомор, она знала это, дьявол ее возьми, и каждое движение ее ресниц, каждый поворот плеча или постановка ноги были искусным приемом боя, который она вела со всеми мужчинами на свете, она была непревзойденным воином, мастером фехтования на арене любви, никто не мог конкурировать с ней здесь, где она выступала в ослепительной броне наготы и во всеоружии годами отточенного опыта, здесь она могла позволить себе дать фору этой девочке, Берте, и она сказала удовлетворенно:

- Ну вот, по-моему, все в порядке. Если слегка взбодрить его веником, то будет, как железный. Берта, вы не хотите расплатиться за ваши муки?

На одну-единственную секунду он решил, взглянув в лицо Берте, - что она будет расплачиваться. Но она села на лавку рядом с Ритой.

- Нет. В бане для этого слишком жарко.

- Смылить боитесь? А что, по-вашему, мы здесь будем делать?

- возмутилась Рита. - Париться, что ли? Ну тогда давайте хотя бы выпьем.

Вообще-то, пить полагалось после бани. Но, приняв на грудь почти по пол-литра водки, можно было уже и не считаться с правилами. Он встал, чтобы сходить в предбанник за выпивкой. В этот момент дверь распахнулась, и в баню, качнувшись, вошла голая Эвелина - с бутылкой в руке.

Он сразу увидел, что с ней что-то не так. Но насколько не так, стало очевидным в следующую секунду. Эвелина обвела всех мутным взглядом и упала лицом вниз, бутылка, мотая янтарной струей, покати-лась по полу.

Глава 15

- Нельзя было оставлять ее одну, - сказала Берта.

- Кто мог предположить, что она насосется в одиночку, - огрызнулась Рита.

- Можно было предположить, - заметил он. - Ты на сутки оставила ее без амфетамина.

Они сидели за столом, Эвелину отнесли в спальню, ее одежда оказалась разбросанной по полу в доме, оставалось только надеяться, что она недолго бродила голой по двору, прежде чем вломиться в баню, и что лошадиная доза алкоголя уберезет ее от пневмонии.

- Я не помню, чтобы она так нажиралась раньше, - сказала Рита.

- А сколько раз в году ты ее вообще видишь? - спросил он.

- А что ты предлагаешь? - повысила голос Рита. - Чтобы я повсюду таскала ее за собой? Или оставила в этом лесу? Ей надо учиться.

- Вот она и научилась, - усмехнулся он. - Лет через пять она будет в точности похожа на тебя.

- Покруче будет, - Рита по-боксерски пошевелила челюстью. - Я все-таки начала трахаться в шестнадцать лет, а не в тринадцать, как она.

- Ты представляешь, - он повернулся к Берте, - Эвелина учится в католической школе.

- Да, в католической! - Рита вздернула римский подбородок. - Никто из ее предков не верил ни в какого Бога, ни в черта, мой отец был гэбистом, а про ее отца и говорить нечего, пусть хоть она прилепится к чему-то фундаментальному.

- Ты уверена, что ее патер не предлагает ей прилепиться к чему-то более фундаментальному, чем ее собственный палец?

- А хоть бы и так! - выкрикнула Рита. - Это лучше, чем с алжирским сифилитиком в дискотеке.

- Чем лучше? Ты стала расисткой?

- Я всегда ею и была. И чем больше езжу по миру, тем больше становлюсь.

- Почему же ты не ищешь спасения в земле обетованной?

- Потому что там обещают не то, что мне надо. Не для того я выходила замуж за американца и терпела муки кромешные с этим гадом, чтобы теперь жить в полицейском государстве, где тебе перднуть не дадут без разрешения.

- Здесь можно, - нейтрально заметил он.

- Можно, - кивнула Рита. - А что здесь еще делать? Что ты можешь делать на этом хуторе, кроме как бздеть себе под одеяло?

- Могу бздеть, могу - не бздеть, - флегматично ответил он.

- Вот то-то и оно - тебе ничего не надо. Страшный человек - тот, кому ничего не надо. Для него не существует рамок, которые нужны тому, кому что-то надо, чтобы опереться на них и получить то, что ему надо. Даже твоя ведьма Таня боится тебя, хотя эта сука не боится ничего и немало сделала, чтобы ты мог бздеть, не опасаясь последствий.

- Ну-ка, ну-ка, - он заинтересовано поднял брови. - Ты никогда не говорила об этом. Объясни, что ты имеешь в виду.

- Ты знаешь, почему я никогда не ревновала ее к тебе?

- Почему?

- Потому что она относится к тебе, как зверю, которого охраняют от охотников, чтобы потом напустить на этих охотников. Она просила тебя оказать ей какие-нибудь услуги, ну, из тех, что ты умеешь делать?

- Клянусь тебе, нет.

- Значит, попросит.

- Ты принимаешь меня за идиота, Рита? Ты считаешь, что меня можно заставить сделать то, чего я не хочу делать?

- Конечно, нет! Тебя можно заставить делать то, что ты хочешь делать. Ты хочешь меня, и я могу тебя заставить сделать это, и ты сделаешь это с радостью.

- Я хочу кусок мяса, и я беру кусок мяса, значит ли это, что кусок мяса мною управляет?

- Да никто не собирается тобою управлять! Ты жрешь свой кусок мяса, себе на радость и мне на пользу. Все, что надо, чтобы извлечь выгоду из твоего пищеварения, это иметь такой интересный кусок - а дальше ты все сделаешь сам. Таня только тем и занималась, что приучала тебя жрать свой кусок мяса, отрывивать, бздеть - и ничего не бояться. Тебя же никто ни разу не ударил палкой по голове - потому, что рядом стояла Таня со своей большой дубиной.

- Ты на самом деле так думаешь?

- Я знаю это, и ты знаешь, я только не знаю, как она это делает - на то она и ведьма. Но очень красивая. Давай выпьем - у меня мороз по коже, когда я о ней думаю.

Он принес очередную бутылку кальвадоса.

- Вообще, тебе надо отдать должное, - заявила Рита, без церемоний опрокинув стакан. - Ты не Аллен Делон, ты пьешь одеколон, но вокруг тебя всегда крутятся обалденные бабы - она искоса глянула на Берту, Берта улыбнулась.

- Ты имеешь в виду себя? - спросил он.

- И себя тоже.

- Ты никогда не крутилась вокруг меня.

- Крутилась, я была без ума от тебя, ты просто не замечал, ты никогда не поднимал носа выше моей промежуности.

- Можно подумать, кто-то другой поднимал, - сказал он, стараясь сдержать раздражение.

- Еще и как поднимал! Даже Владимиру, кроме моей шмоньки, нужен был еще и мой кошелек. А тебе - вообще ничего не нужно. Даже гребаному американцу, кроме моего рта, нужна была еще и моя любовь. А тебе не нужна ничья любовь. Ты сам, ты обходишься без всего, ты страшный человек, и твоя дочь, которая валяется пьяной наверху, очень на тебя похожа.

- Ты шутишь? - он был по-настоящему удивлен.

- Ничуть не шучу. Она холодна, как лед, можешь мне поверить, и все ее закидоны - это просто попытки нащупать точки, где можно что-то чувствовать. Но она ничего не чувствует, у нее вместо сердца - камень, как и у тебя. И через пять лет она не станет похожей на меня, она просто перевесится и пойдет по головам, и моя будет первой. Поэтому я и держу ее на расстоянии - чтобы отдалить момент. Но я люблю ее, она единственное, что у меня есть. А у нее нет ничего и никогда не будет. Она не умеет иметь - так же, как и ты. Все проходит через нее, не задерживаясь, и она проходит через все, как ветер сквозь ветер. Ты - единственное, что могло бы ее удержать, а она - единственное, что могло бы удержаться в тебе, потому, что вы - одна кровь. - Рита помолчала. - Волчья.

Глава 16

Среди ночи он проснулся от какого-то шума и некоторое время не мог понять, ни в какой части ночи, ни в какой части дома он находится. В окно сочился холодный свет луны, он поднял глаза вверх - крыша была на месте. Значит, он был в мансарде.

У его левого плеча, на широкой кровати, навзничь лежала Берта - в распахнутой норковой шубе и без единого лоскута одежды под ней. Рита обнаружилась справа - в одних бриллиантах.

Он принялся, сморщив свой волчий нос и проведя им вдоль неподвижных тел - запах секса отсутствовал, но отсутствовали также и его собственные трусы. Перебравшись через высокий зад Риты, он нашел их на ковре, очень хотелось пить. Звук повторился - где-то внизу. Стараясь не шуметь, он спустился по лестнице.

Эвелина, скорчившись, сидела в кухонном углу - первый одетый человек, которого он увидел. Не удивительно, ее трясло, чашка в ее руке постукивала об стол и с первого взгляда было видно, что ей совсем худо. Он подошел и сел рядом.

- Плохо?

- Плохо.

Он взял чашку с водой из ее руки, отпил и задумался.

У него был амфетамин. Но если она примет его сейчас, то не будет спать сутки, а этого никак нельзя в ее состоянии. С другой стороны, если она выпьет водки - ее сразу вырвет. Он встал, пошарил в холодильнике и выудил оттуда бутылку шампанского. Это было то, что надо - мало алкоголя и много углекислоты. Он разлил шампанское в бокалы.

- Будь здорова!

Через некоторое время на ее бледном лице проступил румянец.

- Ты мог бы воздержаться от оргии в моем присутствии, - вдруг сказала она, и он с удивлением уловил в ее речи французский акцент, раньше этого не было.

- Мог бы, - кивнул он. - И воздержался. И твое присутствие здесь ни при чем.

- У тебя есть моральные обязательства, - с вызовом сказала Эвелина.

- Нет у меня моральных обязательств, - обозлился он. - Это не я разошелся с твоей матерью и увез тебя в Америку.

- Ты, все-таки, мой отец.

- А мой отец - мой отец. Ну и что?

- Я не просилась на этот свет! - выкрикнула Эвелина.

- Не просилась. И я не просился. Мой отец кончил разок для своего кайфа, а все остальное сделала природа. Нравится жить - живи. Не нравится - не живи.

- Ты жестокий.

- Я жестокий? Меня выбросили в жизнь, как в выгребную яму. А ты в жизни ничего не нюхала, кроме французских парфюмов и кокаина. Какое ты имеешь право жаловаться на жестокость?

- Не в деньгах счастье.

- Не в деньгах. Но, если бы ты голодала, я бы из кожи вылез, чтобы тебя накормить - в этом мое моральное обязательство. А все остальное - твое дело.

- У меня никогда не было семьи.

- У меня тоже не было. Но я не виню в этом ни свою затурканную мать, ни своего отца, который работал, как вол, пока я болтался по улицам.

- У тебя был дом.

- А у тебя есть дворец. Не юродствуй, Эвелина, это тебя школьный психолог научил - слюни пускать? Ты бы не променяла жизнь в Париже на жизнь в юзовской трущобе.

- Я в Арле живу.

- Да какая, к черту, разница, Арль - Шмарль! Я жру амфетамин и даже опиум оттого, что у меня дикие головные боли, у меня два ранения в голову, я не то, что шевелиться - жить не могу, когда начинается приступ. А ты отчего его жрешь? Да, я понимаю, неудовлетворенность - она страшнее пистолета. Ну, так имей мужество сказать себе: «Я хочу!» Делай, что хочешь, и не ищи оправданий в слюнях про тяжелое детство.

- Как ты?

- Как я.

- Мать говорила, что у тебя нет тормозов.

- Они есть - но там, где их не может увидеть твоя мать.

- Ты ничего не боишься?

- Боюсь.

- Чего ты боишься?

- Мороза.

- Мороза? - Эвелина улыбнулась, подумав, что он шутит.
- Мороза, - с ударением повторил он и, помолчав, добавил. - И голода. Мороз и голод - это самые страшные вещи.
- Страшнее боли?
- Они и есть самая страшная боль. Это изнеженные народы с юга придумали геенну огненную. На самом деле в аду - мороз. И голод - его брат. - Он налил в бокалы еще шампанского и усмехнулся. - Пей, пока есть.
- А я люблю зиму, - сказала Эвелина, - Дед Мороз - это символ праздника.
- Зима - время Смерти. А Дед Мороз - это бог Смерти. Зимней смерти, голодной. Поэтому ему приносили жертву, вешали на елку в лесу всякие подарки, чтобы удовлетворился, чтобы не грыз. Но считалось, что и бог Мороз может приносить дары, дары Смерти - тем, кого любит. А чтобы получить его благоволение, требовалось померзнуть и поголодать. Для профилактики люди постились и обливались холодной водой - вот откуда традиция, потом попы все испохабили. Но, чтобы заслужить подлинную любовь бога, требовалось замерзнуть насмерть, - он усмехнулся. - Или - до полусмерти. Если такой человек оставался жив, то получал дар.
- Какой дар?
- А если рассказывал, какой, то умирал, - он разлил в бокалы остатки шампанского. - Даром нельзя получить ничего, за все надо платить. Я ничем не хуже и не лучше тебя, но я дорого заплатил за право пить с тобой шампанское и говорить: «Делай, что хочешь».
- Чем?
- Он помолчал, отпил глоток вина.
- Ты знаешь, что я был офицером погранвойск?
- Знаю.
- В начале 90-х, когда в Таджикистане началась гражданская война, наши погранвойска продолжали охранять его границу с Афганистаном - по договору. Погранвойска не приспособлены для ведения боевых действий, в них нет мобильных подразделений. А из Афганистана поперли «духи», очень мобильные, хорошо подготовленные, они уже победи-

ли на своей территории. В Таджикистане было достаточно армейцев, с пушками и танками, чтобы вышибить дух из любых «духов» - и вышибли, в конце концов. Но не так было в горах. Они просачивались горными тропами, несли с собой оружие и, соединяясь с местными, формировали серьезные силы. Тогда в погранвойсках стали создавать мобильные подразделения, численностью до батальона, для перехвата и ведения боя в горах. Я служил в таком подразделении, заместителем командира роты.

Однажды мы вышли на перехват, и нас разбили к чертовой матери. Признаю, это не было классической военной операцией, но не я ее планировал. И в горах ни батальон, ни полбатальона не может действовать, как единое целое - там нет фронта, а мы еще и залезли в какое-то ущелье. В общем, мою группу отсекли от основных сил и, перебив половину личного состава, погнали на ледники. Наступила ночь. И была зима. Связи не было. Никто не планировал этот перехват как рейд, у нас не было почти ничего для зимней войны в горах, а что и было, то бросили, пока бежали, - все получилось через жопу. Было двое раненых, они умерли к утру от пустячных ранений - истекли кровью и замерзли. А когда рассвело, снизу снова раздались выстрелы, и мы снова полезли вверх.

Мы не могли достать моджахедов сверху, потому что они прятались за наплывами льда и снега внизу, а мы не могли остановиться, тогда они обошли бы нас с флангов, единственное, что спасало нас от прицельного огня - это расстояние.

Мы не понимали, почему они не прекращают преследование, и мы ползли вверх, задыхаясь в разреженном воздухе, и не было видно подмоги, не было видно ничего, кроме сверкания солнца, мы не знали, где находимся, к концу дня мы полуослепли от ультрафиолета.

А ночью меня начал кусать мороз. Я не был ранен, но руки были изодраны об лед, теперь это все распухло, почернело и болело на холоде жутко. Всех мучил голод, глаза резало, как от сварки, но, несмотря на это, мы начали клевать носами от усталости, а на рассвете моджахеды подстрелили одного из наших, и мы снова побежали, бросив его на снегу.

Я начал подозревать, что афганцы знают, что делают, что мы уже не в Таджикистане, а впереди какое-то препятствие, которое мы не сможем преодолеть. Мы начали мерзнуть уже и на солнце, мы уже не понимали, что рвет наши лица - солнце или мороз, ноги дрожали от переутомления и голода, легкие были обожжены ледяным воздухом.

- По этому лесу, Эвелина, - он кивнул за облитое лунным светом окно, - я мог бы идти, почти без остановок, неделю, две недели - питаюсь корой и мерзлыми ягодами. Но трое суток на леднике - это месяц. Я был крепким парнем, но чувствовал, что третью ночь могу и не пережить, а я был в лучшем состоянии из пятерых, оставшихся в живых.

Вечером я изложил им свои соображения. Впереди нас ждал расстрел возле какой-нибудь стенки - если сможем отлепиться ото льда на рассвете. Я предложил атаковать - и будь, что будет. Мы не могли подобраться к моджахедам незаметно, они находились в каких-нибудь пятистах метрах и выставляли наблюдателей на ночь. Мы могли надеяться только на прорыв - или на легкую смерть. Мои бойцы согласились без команды, терять уже было нечего.

Мы выждали - в расчете на то, что какая-то часть охотников заснет. Потом растянулись широкой цепью и поползли, пытаясь преодолеть скрытно хотя бы начальный отрезок дистанции. Но нас обнаружили почти сразу. Тогда мы с воплями вскочили на ноги, чтобы ринуться вниз - и покатались вниз. Там был лед, кое-где - чистый, кое-где - покрытый снегом. Когда мы днем шли вверх, наши ноги легко пробивали подтаявший снег. А ночью ударил мороз, и все превратилось в сплошной каток, мы покатались кубарем и поехали на задницах прямо на лупившие в нас стволы, мы даже стрелять толком не могли, мы непрерывно нажимали на спусковые крючки, но наши автоматы выписывали кренделя вместе с нами, и пули летели, куда попало. А когда я доставал гранату, автомат вообще вылетел у меня из рук, он доехал до моджахедов раньше, чем на головы им упала граната, а потом уже и я свалился в это месиво - через секунду после взрыва. Они устроились под сугробом, я слетел с него, как с трамплина, а на меня обрушился мой боец и тут же врезал мне по ребрам прикладом. И мы орали там, в дыму, в лицо друг другу - он сидел у меня на животе и пытался выбить мне глаза стволом автомата, потому

что у него уже не было патронов, и он ни черта не соображал от ярости, а я пытался защититься руками и попасть ему коленом по почкам, пока кто-то третий не сшиб его с меня ударом ноги.

Я встал на четвереньки, нашаривая автомат, увидел пламя выстрелов внизу по склону и решил, что - все, хана - снизу идут на подмогу, но стрельба быстро прекратилась. Потом, оказалось, что стреляли убежавшие моджахеды, когда рассвело, мы вычислили по свежим следам, что их было трое.

Я оглянулся. Кроме меня, двое остались в живых, один - тяжело раненый. Еще двое лежали на склоне, не добежав до укрытия. Убитых моджахедов было четверо - гранатой, в основном. Пятый еще шевелился, и мы его добили. Своего раненого мы шевелить не стали, - сразу было видно, что он не жилец, он и умер через полчаса.

Мы не знали точно, сколько было моджахедов, поскольку, когда они преследовали нас, то перемещались зигзагом, между складками местности и глыбами льда, трудно было подсчитать, мы еще не знали, что нас не будут атаковать, и были настороже, но жрать хотелось смертно, и мы начали шарить по вещам. Однако нашли только несколько кусков сухого хлеба, которые тут же и проглотили, и несколько кусков кифа - зеленой, похожей на пластилин пасты из конопли, - эти охотники голодали почти так же, как и мы, поддерживая дух старым азиатским способом. Киф и спальные мешки помогли нам дожить до рассвета, а потом мы начали свой путь вниз. Мы шли по следам, идти вниз было легче, чем вверх, и все равно мы часто падали - киф выжимал из нас истеричные смешки, но не давал крепости ногам. К вечеру мы достигли места, где охотники подстрелили одного из наших, и повалились в снег возле замерзшего тела.

Он замолчал, потом встал, достал из шкафа бутылку кальвадоса, плеснул себе в бокал и сделал глоток.

- Дело в том, Эвелина, что мы чудом побии моджахедов, но ничего еще не закончилось. К месту, где моджахеды побии нас, мы день ехали на грузовиках и ночь выдвигались маршем. В бою мы постоянно передвигались, и передвигались хаотично, а бой длился часов шесть. Потом мы трое суток лезли на ледник. Короче говоря, мы не знали точно,

где находимся, на каком расстоянии от ближайшей заставы, блокпоста или хотя бы населенного пункта. Еще проще говоря - мы заблудились. И произошло это не в турпоходе, а в воюющей стране, на территории, где кто угодно мог выстрелить из-за какого угодно камня. У нас не было провизии, не было сил, мы были обморожены. И страшно хотелось жрать.

Он снова, надолго, замолчал.

- И что? - спросила Эвелина. - Что было дальше?

- А то, что мы вырезали кусок замороженного мяса из спины нашего павшего товарища и съели его. Мы рубили его мелко, как строганину, и глотали. Если бы мясо не было замороженным, может быть, мы и не смогли бы его есть, может быть, мы и не смогли бы встать со снега. Но мы встали и пошли дальше.

- Ночью?

- Ночью. Нам хотелось уйти подальше от того места.

- А какой был вкус у этого мяса? - спросила Эвелина с диковатым каким-то любопытством.

- Не помню, - он внимательно посмотрел ей в глаза. - Но если тебя интересуют такие вещи, то могу тебе сказать, что помню вкус свежего мяса, - он усмехнулся. - Моджахедского. Вкус - как кровь. А жареным не пробовал, не знаю. Мы убили тех моджахедов, троих - на рассвете.

- Как убили?

- Очень просто. Шли по следам, очень медленно ползли, темно еще было, и наткнулись на них. Они спали. Ну, мы их и пристрелили. Они вымотались не хуже нас, потому и проспали свою смерть, пищи при них никакой не было, только киф. Пришлось отрезать от них по кусочку. Посыпали кифом и ели - фиеста получилась, очень весело.

- А что было потом?

- А потом уже не было ничего интересного. Мы шли и шли, и шли, пока не вышли на дорогу. Потом опять шли, пока не пришли в кишлак. Там мы вырубались. Кто-то из местных съездил на заставу и привез наряд. Вот и все, - он усмехнулся. - Но мой напарник умер.

- Отчего умер?

- Неизвестно. Он так и не проснулся, может быть, не захотел. Его без сознания привезли на заставу, и через пару часов он перестал

дышать. Там же не было никаких врачей, и никто не станет гонять вертолет ради какого-то доходяги. Я сам добрался до отряда только через сутки.

- Тебе дали медаль?

- Мне дали выговор с занесением в личное дело.

- За что?

Он ухмыльнулся.

- За некомпетентность. За то, что неправильно действовал в бою, людей угробил, - он выплеснул в рот остатки водки. - Но мороз и голод дали мне медаль, они мне ее дали, Эвелина.

На лестнице раздались шаги.

Глава 17

- Я привезла к тебе дочь, чтобы ты воздействовал на нее авторитетом, она нажралась, как лахудра, а теперь ты сидишь и пьешь с ней водку посреди ночи, - сказала Рита, запахивая халат на роскошной груди.

- Я не пью водку с ней. Я пью ее сам. И уже утро.

- Ты считаешь, что уже можно выпить?

- Да, я так считаю.

- А почему ты пьешь сам? Ты не единственный, кому нужно похмелиться.

Он налил в бокал приличную дозу, можно было не опасаться, что Рита блеванет от ранней опохмелки.

Так оно и случилось.

- Что за хамство - не закусывать самогон? - с отвращением сказала Рита, выдохнув воздух.

- Это не самогон. Можешь взять в холодильнике огурец.

- Могу.

Рита взяла огурец.

И сыр, и колбасу, и холодное мясо - она никогда не жаловалась на похмельное отсутствие аппетита.

- Что делает Берта? - спросил он, когда Рита разместилась рядом со своими тарелками.

- Что может делать человек, который без сознания? - Рита пожала плечами.

- А почему она без сознания в твоей шубе?

Рита задумалась.

- По-моему, я ей эту шубу подарила.

- А в чем ты поедешь домой?

- Я что, уже должна ехать домой?

- Нет, посиди еще.

- А полежать ты уже не предлагаешь?

- Я и не предлагал.

- Ну, тогда налей, хотя бы.

Он налил и они выпили.

Рита вздохнула.

- Хорошая баня пропала. Все из-за тебя, - она метнула уничтожающий взгляд в Эвелину.

- А вам там не было тесно вдвоем? - нейтрально спросила Эвелина.

- Представь себе, нет. Пока ты не появилась.

- Я понимаю.

- Что ты понимаешь? - Рита повысила голос. - Как матери замечания делать, это ты понимаешь?

- Я просто...

- Заткнись.

Он начал понимать, что жизнь Эвелины с Ритой была далеко не сладкой.

Наверху лестницы появилась встрепанная Берта в шубе. Она была похожа на непрспавшийся манекен из бутика.

- Пьянка, - обреченно сказала она и начала медленно спускаться по ступенькам, но на середине лестницы вдруг рванулась вниз и исчезла в туалете.

- Осторожно! - крикнула ей Рита через дверь. - Эта шуба стоит пять тысяч долларов!

Шуба была дорогой, но стоила максимум тысячи две.

Занимался холодный рассвет, пора было покормить собак, он встал, чтобы нарубить им мяса, и тут от ворот донесся слабый автомобильный сигнал. Он взглянул на монитор у входной двери, но камера ухватывала только серебристый капот, руки на руле и чью-то крепкую челюсть за тонированным сверху стеклом.

- Кто это? - спросила Рита.

- Понятия не имею, - ответил он и пошел посмотреть.

Владимир не нашел нужным выйти из машины, он только припустил стекло и широко улыбался в щель.

- Привет! Мне бы Ритку повидать, дело есть.

Он знал этого типа, шапочно, видел пару раз. И усмехнулся в ответ:

- Ну, проезжай.

Берта выходила из туалета как раз в тот момент, когда они вошли в дом, и Владимир уставился сначала на нее, а потом уже перевел взгляд на Риту и Эвелину, сидевших за столом.

- Здравствуйте, ангелы мои!

Рита смотрела на него ошарашено, Эвелина молча отвела взгляд. Нимало не смущаясь, гость сбросил дубленку в кресло и быстро потер украшенные парой перстней руки.

- Почему не слышу оваций?

Владимир был высоким, широкоплечим мужчиной, очень фотогеничным, хотя и с заметной плешью в свои 35 лет. Не дожидаясь приглашения, он прошел к столу.

- Что ты здесь делаешь? - наконец, выдавила из себя Рита.

- А почему ты не спрашиваешь, как я доехал? Нормально доехал. Хотя и нелегко было выбраться из Парижа на те копейки, что ты мне оставила. Я потратил на тебя все свои деньги, ты же знаешь.

- Откуда у тебя свои деньги?

- От верблюда. Я замерз и хочу есть. Вы позволите присоединиться?

Не дожидаясь ответа, Владимир плеснул себе водки в чей-то бокал и ухватил кусок сыра чьей-то вилкой.

А он смотрел со стороны на жующего Владимира и тихо удивлялся. Неужели этот человек не понимал, что здесь ему могут просто открутить голову? Или у него было что-то в рукаве? Владимир не был умен и мог как угодно далеко оторваться от местных реалий, мотаясь по Парижам и Лондонам, но он, все-таки, был русским. Не мог же он всерьез полагать, будто этот лес и парк Тюильри - одно и то же?

- Зачем ты приехал? - спросила Рита.

Владимир с усилием проглотил кусок мяса.

- Соскучился. Ты что, не рада меня видеть? - при этом он подмигнул почему-то Эвелине.

- Не вовремя ты соскучился. И незачем было ехать сюда. Мог бы и позвонить.

- Ну, мы же не чужие люди, - он мельком глянул на хозяина дома.

- Одна семья, можно сказать, - Владимир хохотнул.

Хозяин дома улыбнулся в ответ. Ему это удалось без особого труда, он уже почти принял решение.

Берта, наблюдавшая встречу родственников, опершись одной рукой на теплые изразцы печи, а другой придерживая воротник шубы, вздохнула и пошла наверх. Эвелина поднялась из-за стола.

- Куда же вы, дамы? - Владимир скоморошно развел руки в перстнях. - Не лишайте меня своего присутствия!

Не отвечая, Эвелина скрылась за дверью ванной. Пока Берта поднималась по лестнице, Владимир не отводил глаз от ее ног.

- Что ты собираешься делать дальше? - спросила Рита.

- Ну, во-первых, я собираюсь побыть здесь некоторое время. Идти мне некуда, денег нет.

- А на что ты вообще рассчитывал?

- На тебя, - Владимир ухмыльнулся.

Он вспомнил, что надо покормить собак и встал из-за стола - ему не хотелось взваливать на себя весь груз решения, в конце концов, это был любовник Риты, и дом был, фактически, тоже ее.

Звери хрипели в вольере и кидались на стальную сетку, он выпал им миску замороженного мяса, с удовольствием наблюдая, как они рвут его белыми клыками. Он начал запирает их с того часа, как в доме появились чужие - все люди были врагами для этих собак.

За спиной его раздался скрип шагов по снегу, и он обернулся.

- Этот ублюдок опять достал нас, - сказала Эвелина, она волновалась, и в ее речи снова послышался акцент.

- Мне он до задницы, это твоя мать с ним хороводится.

- А он лезет ко мне.

- Значит, дала поводы.

- Я не давала повода. Но мне нужен был кокаин и таблетки. А он доставал.

- Мать знает?

- Нет, конечно.

- И что я, по-твоему, должен сделать?

- Вышвырнул его отсюда.

- Это не решит проблему. Он присосется в другом месте, вы же не будете вечно здесь сидеть. А твоя мать сегодня не любит, завтра полюбит. А послезавтра тебе захочется нюхнуть, так ты и сама соснешь, - он едва успел перехватить ее руку и цыкнуть на собак.

- Ты тварь! - крикнула Эвелина.

- Я тварь, также, как и ты. И мне легко убить Вовика, прямо сейчас. Но это не решит твоих проблем.

Эвелина шипела, как кошка, пытаясь вырвать руку, и с ненавистью кривила рот, он делал ей больно, но она не плакала.

- Ты что, не могла нюхать свой драный марафет, не пользуясь трубочкой Вовика? - крикнул он ей в лицо. - Теперь ты хочешь, чтобы я выкинул его отсюда? А почему ты не сделаешь это сама?

Он отшвырнул ее от себя.

- Потому что мать не даст! - крикнула Эвелина. - Она сразу наедет на меня, а он будет стоять рядом и улыбаться!

- Ладно, - сказал он, остывая. - Мне надо выгулять собак. Ты можешь пройтись со мной, и мы обсудим ситуацию, а можешь убираться вон - как хочешь.

После оттепели снег еще не выпадал, и они свободно шли меж редко стоящих сосен, собаки, вывалив алые языки, метались поблизости.

- Больше года вы жили ладной семейкой, - сказал он. - Тебя устраивал Володин кокаин, твою маму устраивал его член, вас обеих устраивало то, что в доме есть хоть какой-то мужчина. Затем что-то не заладилось, и вы решили от него избавиться, удрав в другую страну. А он появился снова. Так?

- Ну, примерно, так.

- Знаешь, почему вы от него никогда не избавитесь?

- Почему?

- Потому, что вы этого не хотите. Вас устроит мусорщик, который возьмет вашу игрушку за ногу и закинет подальше. И вас устроит, если игрушка вернется через месяц или через год, присмирившая - и примется за исполнение своих обязанностей. Этот тип такая же игрушка, как и кокаин! Ты его нюхаешь, но это он играет тобой, а не ты им! Что тебе нужно, чтобы избавиться от всех твоих витаминов?

- Избавиться от них. Не иметь.

- Избавься от Владимира.

- Как?

- Возьми кухонный нож, подойди к нему сзади и воткни нож под лопатку. Если даже не попадешь в сердце, он все равно умрет через несколько минут.

- Я не хочу сидеть в тюрьме.

- Ты не будешь сидеть в тюрьме. Ты будешь сидеть в кресле и смотреть, как трое свидетелей убийства хлопочут, избавляясь от трупа.

- Зачем им хлопотать?

- Твоя мать будет покрывать тебя, я буду покрывать вас обеих, Берта будет покрывать меня. Что тут непонятного? Никто не даст в обиду маленькую девочку, измученную витаминами.

- Я не могу этого сделать.

- Ты хочешь, чтобы это сделал я - старый, опытный убийца.

- Не в этом дело.

- А в чем?

- Он человек, такой же, как и я.

- Нет людей, таких же, как и ты. Ты никогда не узнаешь, что в голове у другого человека. Все, что ты знаешь - ты знаешь о себе. Другие люди - это твои мысли, наложенные на них, и тебе никогда не станет известно ничего больше.

- Это я уже слышала - человек человеку волк.

- Почему обязательно - волк? Может быть - друг, товарищ и брат. Это зависит от того, что ты о нем думаешь. Но он не зависит от твоих мыслей. Он движется по своим траекториям. Человек, состоящий из твоих мыслей - это фикция. А его траектория - это реальность. Самый эффективный способ взаимодействовать с людьми, это оценивать их движения так, как ты оцениваешь движение автомобиля. Человек - это автомобиль с тонированными стеклами. Ты не знаешь, кто там, внутри, и тебе нет до этого дела - может, там, вообще никого нет. Если тебя не устраивают правила движения или ты не знаешь их, не выходи на дорогу, стоять там нельзя. Если хочешь взаимодействовать - двигайся по правилам. Если кто-то нарушает правила - уйди с его дороги или сбей его. Вот и все. До тех пор, пока ты будешь впутывать в правила движения Бога, черта, честь, совесть, человеческое достоинство и другие фикции, ты будешь неэффективна. Это то же самое, что спать и видеть сны или читать «Плэйбой» за рулем.

- Это красиво звучит, но человек - не машина, ему приходится отвечать за свои поступки.

- Никому нет дела до твоих ответов. В счет идет только результат, оплата наличными. Заплати цену - и ты получишь все, что хочешь.

- Это одно и то же.

- Нет, не одно и то же. Отвечать - это болтать. А платить - это действовать. Ты всегда действуешь, хочешь ты того или не хочешь. А вот получаешь - далеко не всегда то, что хочешь. Потому что недоплачиваешь, переплачиваешь или вообще не знаешь, чего хочешь. А потом удивляешься, когда вместо букета цветов получаешь удар по лбу.

- Я не понимаю, как это применить к моей ситуации.

- Прямо и непосредственно.

- Убить Владимира?

- Зачем обязательно убивать? Пойди в дом и скажи ему: «Пошел вон отсюда». Если мать выступит, скажи ей: «Заткнись». Я буду стоять рядом и улыбаться. А если понадобится - в любой момент поддержку тебя, словом и делом.

- Ты сам говорил, что он вернется.

- А ты не играй с ним. Он не вернется, если поймет, что это не игра, а полный и окончательный отмот.

- Ну, так он достанет мать.

- А ты плюнь на мать. Если ты плюнешь и разотрешь, помогая себе, то сможешь помочь и ей. А если не сможешь плюнуть, вы будете до бесконечности путаться в ваших общих слюнях. И в общей сперме. Ну, как, ты готова?

- Нет.

- Я так и знал.

- Да ничего ты не знал! Я ненавижу его, понимаешь?

- За что?

- За то, что он знает это и ему это нравится. Ему нравится играть всерьез, он знает, что я не играю. Он хорошо знает правила движения и он догонит, даже если мать порвет с ним. Я ненавижу его за то, что он есть, за то, что он был и за то, что он будет!

- Ну-у, так это совсем другое дело, - задумчиво протянул он.

Глава 18

Когда они вошли в дом, Владимир не убрал руку с плеча Риты - с обеих ее плеч. Рита не выглядела счастливой, она выглядела подавленной. Зато Владимир сиял.

- Куда вы пропали? - крикнул он. - Эвелина, ангел мой, иди выпей с дядей!

Бутылка на столе была уже пустой, и гость, видимо, рассчитывал на хлебосольство папы. Он не обманулся в своих ожиданиях - папа достал еще одну бутылку, он мог доставать их до самой весны, с интервалом в полчаса и перерывом только на сон. Эвелина выглядела посвежевшей и повеселевшей, она улыбалась и лихо чокнулась с дядей.

- Прозит!

Выпив и закусив, хозяин извинился перед гостями и на минутку покинул их, поднявшись наверх. Рита посмотрела ему вслед, закусив губу.

Берта сидела у компьютера с чашкой кофе, в пепельнице дымилась сигарета, раньше он не видел, чтобы она курила.

- Что ты там ищешь? - спросил он, мельком глянув на экран.

- Что милиция выставила публике, что газеты пишут. Интересно все-таки. У меня же нет документов, надо доставать паспорт, надо как-то планировать свою жизнь.

Лицо ее было безмятежно, глаза отсвечивали голубым льдом в свете экрана - перед ним сидела совсем другая женщина, не та, которую он отлупил розгами в бане. Однако у него было достаточно жизненного опыта и он понимал, что лед обманчив, что горячая струя в любой момент может снова ударить в окровавленный череп.

- Я хочу убить этого парня, Владимира, - прямо сказал он. - Этот тип очень сильно обижает мою дочь.

- Как он ее обижает?

- Девочка наркоманка. Он дает ей кокаин в обмен на минет.

- И она берет и то и другое?

- Какая разница?

- Действительно, - медленно сказала Берта, - разницы нет никакой. Как мы его уьем?

Через четверть часа они спустились вниз и приняли участие в продолжение банкета.

- Здесь лучшее место для зимнего отдыха, - убежденно сказал Владимир. - Лучшее! - Он небрежно отвел локоть от своей тарелки, чтобы хозяин мог метнуть туда пару шипящих отбивных по-татарски, которые Берта жарила, стоя у плиты. - Зиму надо проводить только здесь. На воле, на даче, здесь же все есть и все... - он чуть было не сказал «на халяву»,

но сдержался, - под рукой. А не в загаженном, мокром, вонючем Париже. Тем более что я, - он игриво ткнул Риту в бок, - продал квартиру.

- Что?! - ошарашено отшатнулась Рита. - Как ты мог продать мою квартиру?!

- Это была моя квартира, - улыбнувшись, заметила Эвелина. - А, черт с ней!

- Ну, как-как, - Владимир уверенно плеснул себе еще кальвадосу.

- Так. Не мог же я допустить, чтобы на тебя наехали за мои долги.

- Ты подделал документы? - тихо спросила посеревшая Рита.

- Ничего я не подделывал, - Владимир хохотнул. - Я купил другие.

- А деньги где? - все так же тихо спросила Рита, но, зная ее, хозяин заволновался: а не придется ли менять свои планы.

- Я же сказал, где! - раздраженно ответил Владимир. - Долги отдал. На дорогу потратился. Машину здесь купил, она еще не зарегистрирована, могу тебе подарить, - он хлопнул водки и занялся отбивной.

- Да ладно, мама, - примирительно сказала Эвелина, - другую купим.

Рита молча покачала головой.

- Вот-вот, - оживился Владимир, - у тебя что, денег мало? Давай лучше думать, как зиму провести с комфортом. Здесь же, - он небрежно повел плечом в сторону хозяина, отлучившегося к плите за очередной порцией отбивных, - наверняка ни черта нет. Дерьмо какое-то пьем, - он наморщил лоб, прикидывая. - Напитков надо купить, фруктов, одежда мне нужна теплая. Дрова для бани есть?

Ему никто не ответил.

- Дрова для бани есть? - спросил он громче и начальственной.

- Есть, - ответил хозяин от плиты.

- Хорошо. Значит, завтра кто-нибудь баньку протопит. Для нас, - он перевел взгляд с Риты на Эвелину. Хозяин посмотрел на его плешь, покрытую каплями пота, и вернулся к столу с блюдом отбивных в руках. Вместе с ним подошла Берта и, присаживаясь, случайно перевернула бокал Владимира.

- Блядь! - выкрикнул Владимир, трясая манжетой. - Поосторожней нельзя?

- Ты что, собираешься спокойно на все это смотреть? - прошипела Рита. Они стояли во дворе. Он скромно покинул застолье, чтобы подышать свежим воздухом, а Рита вылетела вслед за ним, и никто ее не удерживал - Эвелина увлеченно обсуждала с Владимиром планы перестройки дачи, а Берте было все равно.

- На что смотреть? Это твой любовник, а не мой, вот и смотри на него.

- Я не знаю, чей это любовник, он никак не может выбрать, кого потащить в постель, меня или Эвелину.

- Так тащитесь втроем.

- Ты сволочь!

- Я не сволочь. Что ты от меня хочешь?

- Чтобы ты нас защитил.

- Еще раз повтори.

- Я хочу, чтобы ты нас защитил от этой падлы.

- Это твое решение?

- Да, это мое решение.

- Хорошо. Ты готова платить?

- Я заплачу тебе столько, сколько ты скажешь.

- Ну, тогда слушай мои условия...

Глава 19

- Поздно уже и холодно, - говорил Владимир, шагая между Ритой и Эвелиной. - Можно было и во дворе шашлыки пожарить.

Он без церемоний опирался на их плечи, рука его мяла замшу на груди Эвелины, но прощупать маленькую девичью грудь через толстую дубленку было довольно затруднительно - зато другая его горсть наполнилась полной мерой.

- Ничего не поздно, - сказала Эвелина.

- И ничего не холодно, - сказала Рита, - сейчас разведем костер и выпьем.

Ярко светила мелкая, как копейка, луна, сосны стояли редко и отбрасывали длинные тени, хозяин шел впереди, удерживая, рвущихся с поводков собак, сзади молча шагала навьюченная припасами Берта.

- Ну, вот мы и пришли, - сказал охотник, хлестнув арапником по голенищу сапога, отчего собаки сразу сели. - Это правильное место.

- Ну, вот и подсуетись, - сказал Владимир, убирая руки и засовывая их в карманы, - раз ты тут все знаешь.

Женщины с облегчением расправили плечи, Берта сбросила рюкзаки в хрустнувший снег.

- Перед тем, как насладиться дичью, - сказал охотник, - мы должны ее забить, мы должны насладиться охотой, - он принял из рук Берты тяжелый охотничий арбалет.

- Что? - Владимир презрительно скривил губы. - Что ты гонишь, какая охота? У тебя что, еще и мяса нет?

- Есть, - охотник вложил арбалет в руки Рите. - Ты - мясо. Раздевайся.

- Ритка, у него что, крыша съехала, у твоего козла? Обдолбался, что ли?

Охотник быстро взял в руку цевье арбалета и нажал другой рукой на палец Риты, лежавший на спусковом крючке. Тетива тренькнула, Владимир взвыл, - стальная стрела впилась ему в правое плечо.

- Теперь тебе раздеваться будет намного труднее, - охотник подошел к упавшему на колени Владимиру и хлестнул его арапником поперек лица, Владимир взвыл еще громче, тонко и хищно завизжали собаки, перебирая лапами по снегу, - но ты разденешься и побежишь.

- Не надо! - изжелта-побледневшее лицо Владимира заливала кровь и слезы. - Я...

Охотник снова ударил его по голове:

- Раздевайся.

Не переставая подвывать, Владимир начал стягивать с себя дубленку. Рита отвернулась, ее трясло, но Эвелина не отводила глаз, Берта смотрела бесстрастно.

- В пяти километрах отсюда, всего в пяти километрах, - говорил охотник, - оживленная трасса. Если ты добежишь туда, можешь остановить машину и рассказывать все, что хочешь, мы тебя отпустим. Я дам тебе фору в сто метров, потом спущу собак, и мы будем на тебя охотиться.

- Это убийство! - прорыдал Владимир. - Я...

- Конечно. Никто не собирается играть с тобой в благородство. Мы будем убивать тебя долго, больно и мучительно. Снимай трусы и обувь.

- Я больше не могу! - беззвучно сказала Рита.

- Возвращайся в дом, - тихо сказал он ей на ухо и вынул из ее рук арбалет.

Владимир не хотел вставать, пришлось бить его. Потом он вдруг вскочил и рванул изо всех сил, ломая хрупкий наст огромными ступнями, вслед за Ритой. Собаки без команды сорвались с места и мгновенно сбили его с ног. Рита испуганно оглянулась и пошла быстрее, втянув голову в плечи.

Охотник подбежал к хрипящему и воющему клубку тел и арапником отогнал черных.

- Сидеть!

Затем несколько раз перетянул бело-красное.

- Беги!

Владимир поднялся и, шатаясь, побежал в лес. Собаки повизгивали, но не смели двинуться с места.

Охотник посмотрел в лицо Эвелине - о Берте можно было не беспокоиться. Эвелина была бледной, ее глаза отливали серебром в свете луны, алый рот приоткрыт, из него часто вырывались облачка пара.

- Ты как? - спросил он.

- Нормально. Смотри, убегает!

Он крикнул «Ату!» - и собаки снова сбили дичь с ног, охотники медленно подошли вслед за ними.

- Я заплачу... - хрипел Владимир. - У меня есть бабки...

- Эвелина! - охотник передал Эвелине арапник. Собаки с визгом отскочили прочь. Владимир завизжал, извиваясь на снегу, во все стороны полетели капли крови.

- Хватит! - охотник перехватил тонкое запястье Эвелины, по ее подбородку текла кровь, лоб был забрызган кровью. - Беги!

Владимир побежал.

На первый взгляд, от него мало что осталось, но он был сильным, здоровым мужчиной и мог бежать еще долго.

- Ату!

Собаки снова сбили его на землю, и снова охотник отогнал их, не дав добраться до горла и паха, Владимир скорчился на снегу в позе зародыша, прикрывая широкими ладонями затылок. Берта пнула его в мошонку, красным грибом застрявшую под волосатыми ягодицами.

- Беги!

В этот раз ему дали бежать дольше, потому что он бежал медленней, сильно пятная кровью снег. И упал в конце дистанции.

- Вставай, дядя Вова! - Эвелина пошевелила ногой стрелу в его плече. - Уже близко.

Он всхлипнул, скорчился и вдруг начал кричать - протяжно и тонко. Охотник согнулся над ним, заглядывая в лицо - без ненависти, без сожаления - черный вопросительный знак над красной креветкой на белом снегу. Владимир был похож на новорожденного - с окровавленными волосами, прилипшими к черепу, красный, скользкий и вонючий. Он был похож на каждого новорожденного в мире, на любого человека, приходящего в этот мир в крови и дерьме и уходящего из этого мира в крови и дерьме. Он был жертвой и палачом, как все. Он ничем ни от кого не отличался, он был родным братом охотника, красным вопросительным знаком - «зачем»? А низачем. Просто - не повезло.

Эвелина присела у головы Владимира и произнесла фразу, возможно, понятную только им двоим.

- Ангел мой, - сказала она, - ты постоишь на коленях или поваляешься на спинке?

и любопытство: она была жива. Охотник взял двумя пальцами кровь с шеи Владимира и мазнул ею Эвелину по лбу, взял кровь и мазнул ею по лбу Берты:

- Причащайтесь, кто как может.

На лбах охотниц остались по две параллельные линии, он слизнул кровь с пальца, она была соленой и отдавала медью - как у всех.

Тушу следовало разделать, пока она не замерзла.

- Здесь его нельзя оставлять, - сказал он. - Берта, выпотроши его, брось кишки и мочевого пузырь на снег, пузырь пробей ножом - к утру от них ничего не останется. Остальное заберем с собой.

Собаки повизгивали, с их черных губ свисали розовые слюни, и Берта бросала им куски, разделявая тушу, - хозяин не возражал. Эвелина, приоткрыв рот, заморожено следила, как суки хватают мясо на лету и, чавкнув, мгновенно проглатывают, они успели усвоить не менее четверти дяди Вовы, его сердце, легкие, печень и почки, а потом продолжали хватать его за руки, когда охотники поволокли тело прочь от дороги.

В исходной точке, где Владимир получил первый удар стрелой, они разожгли жаркий костер из сосны и сожгли в нем его одежду, разрезанную на куски обувь, кисти его рук, его ступни, скальп и половые органы - собаки не жрали половых органов. Затем, обсмолив горящими сосновыми лапами шерсть с туши, они расчленили ее на куски и понесли домой.

Глава 20

Рита была почти в таком же состоянии, как накануне Эвелина. Но не ее было дело - лыко вязать, на ногах она держалась и языком плела легко.

- Теперь ты - великий воин, - сказала она. - Ты убил дракона и освободил двух принцесс, - она перевела взгляд на Берту и хихикнула. - Трех принцесс. Что ты собираешься делать с тремя принцессами?

- Ничего.

- Как это - ничего? Сначала он убивает дракона, а потом он ничего не собирается делать.

- Твой любовник не был драконом. Он сунул свою голову в пасть дракона. И теперь я сделаю пепельницу из его дурной головы.

- А какую часть тела получу я?

- Никакой.

- Вы уже все поделили?

- А ты уже перестала блевать?

Чувство юмора прорезалось.

- А моя дочь не блевала?

- Нет.

- Не удивительно, - Рита скривила губы, - волчья кровь.

Эвелина бросила на нее короткий и холодный взгляд.

- И что ты собираешься делать с ней дальше? - спросила Рита, ответив дочери таким же взглядом.

- Ничего.

- Как это - ничего? Кто тут Дракула, кто тут Князь Тьмы, итти его мать?

- Никто.

- Как это - никто? Кто теперь моя дочь - вурдалак?

- Ты сама этого захотела. Ты несешь такую же ответственность, как и я.

- Что я захотела? Чтобы моя дочь пришла из лесу с кровью на лбу?

- А ты хотела, - он повысил голос, - чтобы твоя дочь до конца жизни ходила со спермой твоего любовника на губах?

Рита притихла.

- За все надо платить, - сказал он. - Ты заплатила - по-своему, и она заплатила, по-своему. И Владимир заплатил - по-своему. Вот теперь и живите по-своему. Без Владимира. А без меня вы и так обходились.

- Теперь уже не обойдемся, - Рита пьяно ухмыльнулась. - Теперь у нас у всех кровь на лбу.

- Не драматизируй, ты не Электра, - усмехнулся он. - Кровь легко смывается простой водой.

- Это ты не валяй дурака! - Рита могла быть какой угодно пьяной, но глупой она никогда не была. - Ты помазал ее кровью! - она ткнула пальцем в Эвелину. - Раньше она балдела от наркоты, а теперь будет балдеть от своего папочки. Это я теперь не нужна.

- И прекрасно! - злобно выкрикнула Эвелина. - Я тебе была нужна, чтобы твои мужики могли мусолить меня глазами, пока тебя ставили раком!

Рита побледнела.

- Не лги, лахудра! Ты и сама умеешь крутить задом не хуже меня!

Он смотрел на этих двух, очень похожих, женщин и понимал, что ничего не закончилось и ничего не могло начаться заново и никакая кровь не могла смыть печати Евы на их лбах, зря погиб бедный Вовик, они всегда будут сражаться за ближайшего мужика и разбивать ближайшие яйца о свои лбы.

Но дело было сделано.

- Хватит! - он прихлопнул ладонью об стол, едва сдерживая смех. - Вы совсем потеряли совесть, у нас все-таки поминки.

Через час Эвелина сладко спала на диване в объятиях Риты, Рита сладко спала, привалившись плечом к Берте, а Берта прикрывала всех общей шубой и курила, глядя на хозяина, в конце концов у них больше никого и не было, кроме людоеда, сидевшего за столом, как у собак в вольере.

- Тебе понравилась охота? - спросил он.

- Очень понравилась, - ответила Берта. - Этот выbleдок заслужил свою судьбу.

- Почему заслужил?

- У него был один шанс уйти и 99 шансов умереть по-человечески, но он предпочел хватать за ноги Эвелину.

- Только поэтому?

- Не только.

- А почему еще?

- Потому, что все ее заслужили.

С некоторым замиранием своего каменного сердца он начал понимать, что ту встречу в лесу ему послала судьба.

- Ты тоже заслужила?

- Да.

- Чем?

- Тем, что живу.

- Ты мало согрешила.

- А ты много. Ну и что? Что это меняет? Грех - это ложь, которую придумали люди, чтобы оправдать свою тупость или свою злобность, чтобы было за что бить по головам других людей. Виновы все.

- Перед кем?

- Перед собой, перед кем же еще? Кому еще есть до нас дело? Мы обманываем себя, чтобы нам было лучше, и виним кого-то, когда получается хуже. Я знала, что такое мой муж - и согрешила. Теперь я не обманываю себя. Честность - это кайф. Я знаю, кто я, и мне это нравится.

- Кто ты?

- Охотница. Когда я вспорола живот моей свекрови - я получила кайф, почти как оргазм. И я честно приняла это - как факт. Теперь я намерена делать это снова и снова - пока кто-нибудь не вспорет живот мне. Честность - это кайф, и нет ничего честнее смерти и нет большего кайфа.

- Ты хочешь умереть?

- Нет.

- Почему же нет?

- Потому что кайф надо отдавать, как оргазм, чтобы было больше кайфа. Смерть гарантирована и без того, чтобы ее приближать.

- Ты знаешь, Берта, я с трудом удерживаюсь от смерти.

- Я тоже. Давай поддержим друг друга?

- Давай.

Глава 21

Утром он проснулся в своей спальне один, а когда вышел во двор покормить собак, то увидел всех трех принцесс, весело прыгающих в источнике, расположенном напротив бани. Когда-то, рядом с тогда еще дачкой, была куча растрескавшихся песчаниковых камней, из которых сочилась вода в грязную лужу. Стараниями Риты в источник была вставлена труба из нержавеющей стали, под трубой вырыт и выложен гранитом небольшой бассейн с проточной водой и накрыт шатровой крышей о четырех резных столбах, вода в источнике была всегда одной температуры - +14°C, независимо от времени года.

Вокруг источника бегали собаки, которых он запер на ночь в вольтере и, ставя лапы на гранитный бордюр, заглядывали в бассейн, прозрачный пар поднимался над поверхностью воды, никто из дам, включая Эвелину, не проявил ни малейших признаков смущения при его появлении - зрелище было завораживающим, но и несколько, удручающим: принцессы вполне освоились втроем и без него в своем новом замке, и он почувствовал себя, как собака, заглядывающая в бассейн.

- Моржизм помогает от похмелья! - закричала Рита. - Нам срочно нужен морж, у нас замерзли глаза!

Ее груди радостно прыгали, на лице не было никаких признаков прошедшей ночи, Эвелина хохотала, похожая на живой цветок, и он впервые увидел улыбку Берты. Затем дамы выскочили из воды и с воплями пробежали мимо него в дом, он посмотрел на столбик градусника, висевшего на крылечном столбе - минус одиннадцать, он посмотрел на собак, присевших у крыльца - ни одна из них не тронула бегущих. Он не стал кормить подлых тварей, у них были сытые морды, и вернулся в дом.

- Я надеюсь, не все вы умрете от воспаления легких, - небрежно заметил он за завтраком, состоящим из яичницы с ветчиной и чая - с водкой завязали.

- Кто здесь говорит о смерти? - вступила Рита. - Мы собираемся жить долго и счастливо!

- С кем? - поинтересовался он.

- Что значит, с кем? С тобой. Или ты уже не наш муж и отец?

- Чей? - он посмотрел ей в глаза.

- Ну, чей... - Рита почесала нос. - Наш.

- А-а-а, ну тогда объявляю после завтрака общую уборку, надо же вас всех чем-то занять.

- А ты не мог бы сам заняться чем-то полезным? - язвительно спросила Рита. - Съездить купить фруктов, напитков приличных, мне носки теплые нужны.

И все сразу встало с чужих мест на свои, вернувшись, как дежавю.

В этой женщине была гигантская жизненная сила, никакие львы и тигры, никакие кактусы в пустыне не могли бы сравниться с ней, ее можно было раскатать катком по асфальту, она бы встала и пошла, плюнув на плешь водителю. Не было в мире силы, способной вышибить Риту из седла, она скакала на всех мустангах по всем прериям и пампасам мира - и все мустанги пали под ней, он уважал ее за это, он любил ее так, как все ее любили - безусловно и безоговорочно, организмом. Но находиться рядом с ней больше двух недель подряд он не мог.

После завтрака он встал на лыжи, хотя наст был явно не лыжным и, прихватив саперную лопатку, пошел в лес - проконтролировать трассу.

На месте костра осталась большая черная проталина, заполненная легким пеплом - и больше ничего. Он пошевелил пепел лопаткой, пепел разлетелся седыми хлопьями.

В сторону дороги, среди цепочек человеческих и собачьих следов, снег был запятнан кое-где темным, но надо было иметь очень специальное зрение, чтобы понять, что это такое. А кто здесь мог иметь такое зрение, кроме лис и ворон? Все же он проехался по пятнам лыжами, на всякий случай.

На месте заклания, как он и предполагал, не осталось ничего, кроме следов мелких хищников и птиц, даже темных пятен - лисы сожрали снег, пропитанный кровью.

Солнце светило, сосны стояли, вороны летели, с дороги доносился шум машин, все будет так и через сотню лет. Солнце будет гореть,

сосны спилят, но они вырастут, здесь или в другом месте, дорога изменит русло, но по ней будут мчаться машины, пропитанные желанием и кровью, и будет лететь воронье, высматривая падаль на обочине.

Кто-то отведал человечьего мяса на Крыше Мира, кто-то, не ведая ни страха, ни упрека, отдавал с Вершины Мира приказы на убой миллионов человечков, кто-то читал книги о гуманистических ценностях - написанные кровью гуманоидов, все были виновны, и что значила в этой мясорубке чья-то перемолотая жизнь?

Он легко побежал на лыжах в свою берлогу, легко было на его каменном сердце - солнце, мороз и кислород действовали возбуждающе.

Глава 22

Дома он застал Берту одну, Рита с Эвелиной уехали что-то купить в ближайшее местечко на подаренной Владимиром машине. У него мелькнула мысль, что их могут подстеречь мытари на дороге, да и черт с ним, откупятся, не Франция, в конце-концов.

Он направился было в ванную, смыть пот трудовых свершений, но его окликнула Берта.

- Ты ходил замечать следы?

- Точно. Замечать следы. Нечего замечать, ничего нет.

- А тебе не кажется, что мы зря притащили в дом то, что осталось от Владимира?

- А тебе не кажется, что ты зря играешь с черепами?

Берта промолчала.

- Не бойся, - усмехнулся он. - Писай себе, если это не идет во вред твоему здоровью, никто не станет заглядывать в твои ночные горшки.

- Убийства раскрывают, - заметила Берта.

- Раскрывают. Если у кого-то в черепе начинает болтаться язык. Помнишь, я рассказывал тебе про ментовской прием?

- Удар коленом?

- Да. Все знают про него, и все равно ловятся. Люди любят смотреть в глаза другим людям, они играют, поэтому их всегда переигрывают. Даже начинающий урка знает три основных правила безопасности: «не знаю, не видел, не помню». Но с ним начинают говорить, его приглашают к игре, не имеет значения, кто - баба или опер - и он втягивается в игру. А сказав «а», он уже не может не сказать «б». Так человек устроен. Уверю тебя, что даже матерые воры ловятся на это. Нет игроков, которые не проигрывают. Особенно, когда они играют против игрового автомата, против системы. Не смотри в глаза - ударят между ног, не играй ни с кем, кроме своих черепов, у них нет языков, и ты никогда не проиграешь.

- Есть улики.

- Не существует самодостаточных улик. Даже если тебя застали над трупом с окровавленным топором в руках, ты всегда можешь сказать, что только что вынула этот топор из его головы, чтобы оказать первую помощь. Я знаю, о чем говорю, в свое время из моих рук ушел убийца при таких же обстоятельствах, только у него в руках был нож, а не топор. Улика - это язык. Слово становится делом в уголовном делопроизводстве, а твои дела не имеют никакого значения. Таково человеческое правосудие, Берта, - он снова направился в ванную.

- Постой! Если бы ты не пристрелил убийц моей дочери...

- То, вероятней всего, они бы сейчас пили водку в каком-нибудь кабаке. И если бы не начали болтать по пьяне, то ничего бы и не было, кроме розыскного дела по факту исчезновения вас двоих. А таких дел в уголовном розыске - штук двести, начиная с финской кампании.

Он скрылся в ванной.

Рита с Эвелиной прибыли в цветах - в оранжевости апельсинов, в хрусте разноцветных пакетов, в алом зареве голландских роз, в мерцании длинноствольных бутылок и скромно-коричневом обаянии буржуазных ананасов - Париж теперь произрастал в любом местечке, где

признавали правила европейского обмена, и праздник жизни мог быть всегда с тобой, если было чем расплатиться.

Рита забарабанила кулаком в дверь ванной.

- Выходи, Леопольд, подлый трус! Почему ты прячешься от своих принцесс?

Он вышел - и попал в Диснейленд.

Рита металась по комнате, мечя на стол коробки конфет, сардины, сыр, виноград и замороженных креветок.

- Поминки закончились! - кричала она. - Начинается День Благодарения!

- Хэппи бёсдэй ту-ту-у-у! - пела Эвелина.

- Почему - «ту-ту-у»? - удивился он.

- Потому что наш паровоз летит, в коммуне остановка! - закричала Рита. - Ты можешь сделать хоть что-нибудь, ты можешь открыть бутылки?

Он мог открыть бутылки и сделал это, но не нравились ему ни сладкие ликеры, ни коммуны, не любил он ни того, ни другого.

- Жаль, Вовка не дожил, - легко заметила Рита, сидя за столом, - Любил он мараскин. Берта, деточка, передай мне сыр, пожалуйста.

Где-то через полчаса застолье плавно самоорганизовалось и приобрело черты юбилейного заседания, под председательством Риты.

«Почему женщина такая тварь? - спросил он сам себя, ускользнув на крыльцо подышать и отдохнуть от Риты. И ответил сам себе с усмешкой. - А кто не тварь? Ты, что ли? Женщина более откровенна в своей тварности, вот и все. Как жизнь. Недаром слова «Жизнь», «Природа», «Земля» на всех языках - женского рода. Жизнь может замаскироваться под нежизнь, как вирус. Женщина может замаскироваться под супругу, подругу, подпругу и даже под рабыню, если вынудят обстоятельства. Но она всегда останется хозяйкой, мать ее, на этой Земле. И не будет она ни с кем делиться. Она возьмет все - и правильно сделает. Она очень дорого платит - муками своего влагилища. А мужчина хочет взять все, взять силой, ничем не заплатив. Поэтому он всегда платит силе, которой у него нет. Он - придаток, которым пользуются, член, который морочит себя, мня себя головой. Поэтому, когда сила перестает поддерживать его, - он способен только мочиться под себя».

«Член, возомнивший себя головой, а также - руками, ногами, печенью, почками и сердцем» - усмехнулся сам себе. Он полагал, что может позволить себе посмеяться над собой. Он не участвовал в войне полов, он не участвовал в игре Жизни - женской игре. Он стоял на обочине. Он был неуязвим.

Почему тогда Рита - толстозадая телка, толстогубая блядь - могла одним своим запахом перечеркнуть его собственные правила игры? Почему против нее не действовали сталь, мороз и камень сердца? Почему? Почему? Почему?

Он услышал шум и вернулся в дом. Застолье уже выплеснулось за рамки юбилейного заседания и вошло в русло парижского борделя - 20-е годы, Мулен-Руж. Рита с Эвелиной плясали канкан и пытались втянуть в это дело Берту, но Берте плясать канкан было нечем - она была в джинсах.

- Папа! - крикнула Эвелина. - Скажи своей подружке, пусть она снимет штаны!

Он предложил Берте снять штаны и, к его огромному удивлению, она согласилась.

Они плясали втроем, вопя при этом «Была я гимназисткой и шила гладью...» - оказалось, что слова знали все, пока никто не обратил внимания, что Берта была в его трусах, которые трещали на ней.

Он смотрел, слушал и думал о том, что вот это и есть подлинный танец жизни, без дураков - дурак сидел на стуле с рюмкой кальвадоса в руке. Три женщины, три возраста, три состояния душ: мать, любовница, дочь - высоко задирая ноги самозабвенно плясали канкан, пока бешеная сука, высунув язык, присела рядом с дураком, вооруженным рюмкой. Они нуждались в зрителе, но зритель никак не участвовал в их танце, они нуждались в дураке, чтобы дурак удовлетворял их своим членом или своим арбалетом, но не желали, чтобы он путался под ногами, все было - для него, но его самого как бы и не было. Они были самостоятельны, как Жизнь - позволяя существовать на своей периферии дураку с членом, они позволяли оплодотворять себя восхищением, ничуть не восхищаясь дураком.

- Берточка, деточка, что это на тебе надето? - Рита заметила и уставилась на арендованные трусы. - Немедленноними эту гадость! - она вылетела в соседнюю комнату и вернулась с ворохом белья. - Выбери, что тебе нравится!

Берта начала было отказываться, но Рита с Эвелиной немедленно совлекли с нее «гадость» и с отвращением отбросили к ногам хозяина и его суки.

Берта вспыхнула обнаженной роскошью волос, она была натуральной блондинкой, и в следующее мгновение хозяин приоткрыл рот - с черной Ритиной резинкой между ног она выглядела намного более обнаженной, чем без нее.

- Это - аксессуар к шубе, - пояснила Рита, возвращаясь и волоча к столу приодетую Берту и почти голую от плясок Эвелину. - Женщина должна иметь три вещи - шубу, трусы и сапоги, все остальное - от лукавого.

- Щедрый парень, этот лукавый, - заметил он, - если все остальное женщина имеет от него.

- От него женщина имеет только то, что остается под трусами, - отрезала Рита. - А все, что сверх того, приобретает сама.

Вечеринка закончилась нехорошо. Берта вдруг начала говорить бессвязно, о своей дочери, Рита и Эвелина не понимали ее. Потом ее затошнило, она едва добежала до туалета, у нее начался страшный понос, рвота и головные боли.

Она сидела на унитазе, с миской между ног, раскачивалась и ничего не видела перед собой, он вынужден был поддерживать ее за плечи, чтобы она не упала.

Когда он вынес ее из туалета и уложил в постель, Рита и Эвелина давно уже ушли в свою спальню.

Глава 23

- Не иметь тела - это страдание, - сказал легкий, бесполой голос в пустоте. - Нельзя слышать звуки, не имея ушей. Нельзя видеть цвета, не имея глаз. Нельзя чувствовать вкус, не имея языка. Нельзя ощущать запах, не имея носа. Нельзя познать прикосновение, не имея кожи.

Возникла звенящая пустота. И снова стала голосом в пустоте.

- Ангелы восстали, возжелав познать, и Бог наказал их вечным наслаждением. Если наслаждение длится всегда, оно становится страданием. Если страдание длится всегда, оно перестает быть страданием. Смерть размыкает и замыкает круг, делая его вечным. Ангелы были мыслями Бога, отринувшими Творца, а стали тварями под колесом, Вечным Змием, кусающим свой хвост, - голос был хрустальным колокольчиком в пустоте. - Не познав непознанное, нельзя страдать от него. А, познав, нельзя освободиться от страдания. Мысль в пустоте, познавшая звук, цвет, вкус, запах и прикосновение, прожигает самое пустоту...

Вдруг раздался металлический звук, как от лопнувшей струны, он мгновенно проснулся и сел в постели. Засигналил мобильник. Он схватил трубку, еще ощущая звон в ушах.

- У тебя проблемы, - сказала Таня.

- У меня всегда проблемы.

- Таких еще не было. Кое-кто ищет Берту.

- Кто?

- Тот, кого здесь уже нет. Мы крупно влипли.

- Что делать?

- Слушаться меня. Ты помог ей, я помогла тебе, теперь ты должен вытаскивать всех троих. Ты понял?

- Понял.

- Я буду через полтора часа. Водку не пей, - она отключилась.

Он глянул на табло - была половина второго ночи. Он глянул на Берту, лежавшую рядом с ним - по подушке вокруг ее головы расплывалось темное пятно. Он вскочил и включил свет - из ее носа, рта и ушей сочилась кровь. Он резко дернул ее вверх, вместе с подушкой, усаживая вертикально, и ощутил запах. Он отшвырнул одеяло - под нижней частью

ее тела постель была пропитана вонючей жидкостью, это было хуже, чем запах кала, так пахнет труп, который долго пролежал в пластиковом мешке и пустил сок. Он прижал пальцы к шейной артерии - сердце билось. Он быстро потер ладони, согревая похолодевшие вдруг руки - теперь следовало действовать быстро, но без суеты.

Он принес аптечку и сделал ей инъекцию камфары, но, уже разыскивая опавшую, как у мертвой, вену, понял, что этого будет мало. Тогда он приготовил шприц с адреналином. Игла была тонкой, непригодной для укола в сердце, но обошлось. Потом он схватил мобильник и набрал Таню.

- Она умирает. До больницы ехать часа три.
- Не двигайся с места. Я выжму все, что можно, из тачки.
- Я сделал адреналин. Но она в сознание не пришла.
- Делай, что хочешь, целуй ее, кусай - не дай умереть. Если она умрет, мы тоже умрем. Очень плохой смертью.

Ворота он открыл заранее, через полчаса Таня влетела в дом, на ходу вырывая из кармана какой-то предмет.

- Она еще жива?
- Да.
- Пей! - она сунула ему в руки темный флакон.
- Что будет?
- Не знаю! - в первый раз в жизни он увидел Таню на грани истерики. - Ты все это затеял! Теперь пойд и разорви того, кто пришел за нами. Пей, это ключ от двери, а что за дверью, я не знаю. Я знаю только, что если ты нас не защитишь, то лучше бы нам и не родиться.

Он взял и выпил пахнущую гнилыми грибами жидкость. Его ударило, как локомотивом, сшибло во мрак и понесло, вращая, как клочок бумаги. Он не понимал, как клочок бумаги может ощущать холод, но ему было невыносимо холодно. Он ни на секунду не терял сознания. Во мраке слышались металлические удары и хрусты, как будто ломали жесть, вокруг гудел ветер. Затем, начал разгораться тусклый свет, и его выдуло на какую-то металлическую поверхность, как мусор впереди поезда метро. Он почувствовал себя так, как будто какая-то легкая его часть унеслась дальше, вращаясь

над поверхностью, а другая, тяжелая, оказалась жестко припечатанной к ней. Над ним был купол, под ним - гладкий металл. Его окружили маленькие, подвижные механизмы, похожие на игрушки, состоящие из лучей света. Между ними прошла девочка, смутно напоминавшая дочь Берты.

- Мне здесь скучно, - жалобно сказала девочка, - Я хочу домой.
- А где твой дом? - осторожно спросил он.
- Там же, где и твой, - неожиданно злобно ответила девочка.
- Но ты же не можешь жить в моем доме, - рассудительно сказал

он.

- Нет, могу! - выкрикнула девочка и пнула его в голень. Посмотрев вниз, он увидел, что ноги его, до колен - из металла. Он потопал ими по полу и решил, что иметь такие ноги - совсем неплохо.

- Где моя мама? - требовательно крикнула девочка и снова пнула его.

Эта маленькая паскуда начала его раздражать, и он подумал, а не ударить ли ее своей новой металлической ногой? Но такая нога могла разорвать ее на куски.

- Я не знаю, - ответил он.

Маленькие механизмы, состоящие из палочек или лучей света, одобрительно замигали, от них исходило тепло. Но пока он смотрел на них, девочка вдруг вцепилась ему в горло мертвой хваткой. Она оказалась неожиданно сильной, но он сломал ее тонкие руки и, раскрутив за запястье, швырнул прочь. Она улетела, вращаясь, и исчезла в тусклом, сером свете. Световые механизмы окружили его ноги на уровне колен и, доброжелательно гудя, стали подталкивать куда-то, не прикасаясь. Он решил, что не будет ничего плохого, если он пойдет с ними. Они подвели его к низкому ложу или столу и уложили на гладкую металлическую поверхность. Затем они начали что-то делать с его ногами. Заинтересовавшись, он сел и понял, что они пытаются снять его ноги при помощи каких-то приспособлений, но у них ничего не получалось, и он решил помочь маленьким, доброжелательным существам. Он начал отдирать металл так, как если бы это были голенища сапог. Он рвал металл, его пальцы были сильнее металла, и все равно это было очень тяжело. Очень тяжело. Он напрягался изо всех сил, ему стало жарко и стало казаться,

что металл раскаляется вместе с ним, и что его мускулы рвутся вместе с металлом. Он уже не просто рвал - он боролся за жизнь. Его глаза начал заливать пот, он уже слепо ненавидел все, что его окружает, всю эту кучу металла и этих маленьких существ - беспомощных и никчемных. Он точно знал, что он сильнее всего, что здесь находится - вот только освободить ноги. Он точно знал, что может разнести все в пыль, но его как-то хитро поймали в какую-то ловушку. И он бесился от этого, он рвался вместе со своими мускулами, его ненависть ко всему достигла накала вольтовой дуги и включила в себя его собственное тело, тогда он просто отломал свои ноги, исторгнув из себя такой крик ненависти, который испепелил все.

Глава 24

Он долго смотрел в незнакомое, серое лицо, пока, наконец, понял, что это - Рита. Он разлепил сухие, как бумага губы, и она тут же поднесла к ним керамический сосудик, из которого пьют минеральную воду на курортах. Он сразу узнал этот сосудик - они вместе покупали две такие штуки в Карпатах, одна разбилась давно, а вторая - сохранилась, оказывается, он и не знал. Свою воду он тоже узнал сразу - это была вода из его источника, их источника, только кислая, с лимоном.

- Что? - спросил он почти беззвучно.

- Ничего, - Рита пожала плечами, и вдруг по ее лицу хлынули слезы.

Это была большая новость - Рита плачет. Но в данный момент его больше занимало другое - очень хотелось помочиться. Однако, едва осознав позыв к мочеиспусканию, он тут же и сделал это - в постель. - Я уссался, - сказал он.

- Ничего, сейчас поменяем, - Рита вскочила со стула.

- Не надо. Я сам.

- Что сам?

- Сам встану, - он повысил голос, - и поменяю.

Он начал вставать. Рита попыталась поддержать его, но он отвел ее руку в сторону. Он чувствовал себя слабым, но не настолько слабым, чтобы не встать. И встал. Но тут же сел - закружилась голова. Он посмотрел на себя. Хихикнул. И визгливо, со всхлипом, расхохотался - на нем была шелковая Ритина комбинация. От Диора. Рита захохотала вслед за ним - так же визгливо. Они смотрели друг на друга, смеялись и вытирали слезы.

- Ты собак кормила? - спросил он.

- Кормила.

- Когда?

- Утром.

- А сейчас что?

- День, - она помолчала. - Ты был без сознания девять дней.

Он снова лег, глядя в потолок. Он, конечно, понимал, что какое-то время был без сознания. И у него не было никаких провалов в памяти - он все хорошо помнил. Но девять дней!

- И почему же ты оставила меня без погребения? - задумчиво спросил он.

Рита знакомым жестом почесала нос.

- Я бы не оставила. Но твоя ведьма не дала, чтобы все честь по чести. Она сказала, что ты еще вернешься к нам, на мою голову.

- Где она?

- Уехала, слава Богу, пару дней назад.

- А что Берта?

- А что Берта? Почему ты не спрашиваешь, как я?

- Как ты?

- А что я? Кому есть до меня дело? Устала, как собака, пеленки твои меняючи. А Берта здорова, как корова, жопа растет не по дням, а по часам.

- Вы бы на свою посмотрели, - в комнату вошла Берта.

- Ты подслушивала под дверью?

- Нет. Ваш голос слышен по всему дому, - Берта подошла к кровати и, опустившись на колени, поцеловала ему руку. Он погладил ее по голове. Рита, не находя слов, смотрела на это, приоткрыв рот.

Наконец она нашла слова и набрала в грудь воздуха, но он опередил ее.

- А где Эвелина?

- Спит, - ответила Берта. - Она дежурила этой ночью.

- Да, она вам надежурит! - крикнула Рита. - Она надежурила так, что насосалась ликеру над постелью больного отца!

- Неправда! - Берта повернулась к ней. - Она ничего не пила, кроме чая.

- Почему она тогда никак не может проснуться, а?

- Да какая разница! - он повысил голос настолько, насколько смог.

- Сегодня - девять дней. Почему я не вижу своей рюмки водки и кусочка хлеба?

Берта наклонилась к нему и шепнула на ухо:

- А девять дней назад был сороковой день со дня смерти моей дочери.

Эвелина вышла из спальни на шум застольных приготовлений, выглядела она неважно, возможно, подозрения ее матери были не так уж беспочвенны.

- Ну, наконец-то! - сказала она. - А то я уже начала думать, что ты проснешься лет через сто, когда здесь никого уже не останется в живых.

- Зато ты... - начала было мать.

- Хватит! - оборвал ее воскресший.

Через четверть часа застолье потекло, зажурчало смехом и зазвенело бокалами, как будто и не прерывалось девять дней назад, как будто и не было этих девяти дней. Но где же они были? В его сознании не существовало никаких черных дыр - куда же они провалились? Впрочем, он отправился в Зазеркалье, чтобы сражаться с драконом, а сражался с собственными ногами внутри какой-то машины - что значили какие-то девять дней по сравнению с этой шуткой? Но Берта, которая была при смерти - оказалась здоровой и цветущей, а он - вернулся и сильно хотел

есть. Стоило ли, с бухгалтерской скаредностью, выискивать дыру в бюджете жизни? Эти девять дней ушли туда же, куда и все остальные дни его жизни - в никуда. Где прошлое? Оно в зазеркалье. И этот факт не менее таинственен, чем полет дракона.

Уяснив себе, что ничего не знает и никогда не узнает, он со спокойной совестью вернулся в настоящий момент и налил себе рюмку кальвадосу.

- Как ты себя чувствуешь? - спросила Берта.

- Хорошо. А ты?

- Великолепно. Лучше, чем десять лет назад.

По ней это было видно, она выглядела помолодевшей, на ее лице играл румянец.

- Ты что-нибудь помнишь о своей болезни? - спросил он.

- Нет. Я проснулась утром, вся в крови и дерьме, и пошла в душ. А вышла оттуда чистой и совершенно здоровой. Ты к тому времени уже выключился, и над тобой хлопотала Таня.

- Что она делала?

- Жгла какие-то вонючие травы и все время бормотала тебе что-то в уши. Она не отходила от тебя первые трое суток и не подпускала никого, даже сильно повздорила с Ритой, чуть не подрались.

- Это я ей чуть не набила морду, - вступила всегда все слышавшая Рита. - Но я - справедливая женщина. Я признаю, что была не права. Ведьма охраняла тебя, как цепная собака. Она тряслась над тобой, то есть, в буквальном смысле тряслась, а не в переносном. Она не спала, не ела и мочилась в банку, чтобы не отходить от кровати. А такие вещи надо ценить. Но все равно она сука.

- А она на самом деле ведьма? - спросила Эвелина.

- Можешь не сомневаться, - заверила ее Рита. - Самая настоящая. Настоящая подружка для твоего папочки, черная, как грязь.

- У меня есть и другая подружка, - он усмехнулся и кивнул на Берту. - Белая, как снег.

- Это негатив, - отмахнулась Рита, и он в очередной раз подивился проницательности этой женщины, она была ничуть не менее ведьмой, чем Таня, только по-своему.

- Ты не права, - вступилась Эвелина, которая симпатизировала Берте.

- Твоя мать - фундаментально права, - заметил он.

- В чем? - спросила Эвелина, удивленная таким поворотом дел.

- В фундаменте, - ответил он. - На свете столько правд, сколько людей, и единственный способ не запутаться в них, это полагать свою - фундаментальной.

- Все люди так делают, - возразила Эвелина.

- Далеко не все. Если бы все так делали, то им не было бы нужды постоянно разбивать друг другу головы. Люди постоянно опираются на чей-то больший авторитет, чтобы подпереть им свою маленькую и шаткую правду. А когда они оперлись на авторитет - закона, религии или банды - им уже мало защитить свой маленький интерес и просто разбить кому-то нос. Они отобьют нос вместе с головой, они тысячу голов снесут - за Большую Правду.

- Не надо вещать! - запальчиво сказала Рита. - Ты не разбивал нос Владимиру. Ты убил его.

- Потому что он наступил на мою персональную ногу. И я защитил свой персональный интерес. А если бы я полагался на какие-то авторитеты, то вынужден был бы убивать всех паразитов в мире. Начиная с тебя.

- Я паразит?

- Ты паразит.

- А ты кто?

- Тоже паразит. Как и все. И если бы мы все паразитствовали, не прикрываясь никакими идеологиями, то обошлись бы малой кровью, а не убивали миллионами.

- Я была на собрании анархистов в Арле, - сказала Эвелина. - Они говорят то же самое.

- Они не могут говорить то же самое, потому что они - анархисты. Они - группа. А у группы есть идеология.

- И не спорь с папочкой, - насмешливо сказала Рита. - Он был там, где мы не были, и знает то, чего мы не знаем. И если он продолжит изрекать мудрость, то его мудрость опечалит нас всех.

Глава 25

Он думал, что выспался на месяц вперед, но ошибался. К вечеру его начало клонить в сон, и он едва добрался до постели, покинув застолье, но едва он обрушился на кровать, как вслед за ним в спальню вошла Берта с телефонной трубкой в руке:

- Это Таня.
 - Как ты? - спросила Таня.
 - Очень спать хочу.
 - Ну, спи.
- Трубка выпала из его руки.

- Никого нет здесь, - произнес голос в темноте, настолько низкий, что казался плотным и осязаемым, - кроме тебя. Ты получаешь все, что хочешь и за все платишь. Ты так захотел - плати. Нет черного и белого - это ты свет в темноте. Все, что ты встречаешь, начинает существовать, когда ты встречаешь его. Ты платишь светом за его жизнь, ты выкупаешь его из мрака, и оно начинает быть независимо от тебя. Нет дороги, нет обочины дороги - дорога начинается и заканчивается у твоих ног. Каждый, встреченный тобой на дороге, - это мытарь, взимающий плату с твоего неведения ради своей жизни, которую он у тебя не просил. Ты сам так захотел - плати. Ты - творец, который находится в рабстве у каждой твари и каждая тварь - твой палач, даже если и жертва. Ты сам так захотел - плати. Это ты пишешь рунами дерьма и крови на лбу каждого младенца, такой у тебя свет.

- Если за все плачу я, - крикнул во тьме отчаянный и яростный голос, - то кто такой ты?!

- Я тот, кто светит на тебя, - ответила тьма.

- Мне не нужен твой свет!

- Ты не хочешь платить? - спросил голос тьмы. - Тогда погасни.

- Пошел ты!!! - завизжала, засверкала в темноте чья-то слепая ярость. - Погасни сам!!!

- Ты не хочешь погаснуть? - глухо откликнулась тьма. - Тогда вспыхни и выкупи меня!

ЧАСТЬ II

Глава 26

По узкой дороге меж кукурузных полей двигался колесный танк, за ним - броневедомитель, далее - два грузовика, еще один легкий танк и броневедомитель замыкали колонну.

Колонна двигалась от железнодорожной станции Скотоватая к поселку Новый Крест, где располагался натовский пост, контролирующий семь населенных пунктов района, дороги и железнодорожный мост. В одном из грузовиков, маркированном красными крестами, были медикаменты и питьевая вода, в другом - боеприпасы для станковых гранатометов и осветительные ракеты. Расстояние от станции до поста равнялось одиннадцати с половиной километрам.

Было около полудня, палило солнце, высоко в небе кружилась пара канюков, ничего не было видно, кроме армейских автомобилей, и не было слышно ничего, кроме гула их двигателей. Вдруг грунтовка вспучилась под колесами двух передних машин, взрывом броневедомитель развалило на куски, горящий танк сбросило с дороги. В ту же секунду из зарослей кукурузы ударили реактивные гранатометы, две замыкающие машины вспыхнули, но кинжальный огонь не прекращался, пока горящие обломки не взлетели в воздух.

Из кукурузы выскочили люди в сером и метнулись к грузовикам, водители пытались бежать, но их мгновенно пристрелили. Человек, командовавший атакой, отдал короткие распоряжения. Один из боевиков прыгнул за руль автомобиля с красными крестами, остальные шестеро набились в кабину и встали на подножки. Грузовик, ломая кукурузу, рванулся в сторону лесополосы, разделяющей поля. На дороге взорвался

фургон с боеприпасами, в небо взлетел фейерверк осветительных ракет, вспыхнули посевы по обе стороны дороги.

Грузовик, преследуемый огнем, остановился у лесополосы, команда распахнула двери фургона, в зарослях пыльных акаций заржали лошади.

Расшвыривая ящики с водой и медикаментами, бойцы выгрузили шестнадцать небольших картонных упаковок, коновод поглядывал через плечо, удерживая испуганных лошадей.

Упаковки загрузили в брезентовые мешки, укрепленные парами в задней части сидел, команда разобрала лошадей и вышла по другую сторону посадки, оставляя за спиной горящее поле и горящий фургон. Перед ними был участок холмистой степи, пересеченный руслом высохшей речки. Они свели лошадей вниз, прыгнули в седла и погнали галопом - в сторону следующей лесополосы.

Таков был метод ведения кавалерийской войны в 21-м веке.

Обычные методы партизанской войны были неприменимы в этой густонаселенной и открытой местности - любой точки можно было быстро достичь по широко разветвленной сети дорог, и все контролировалось с воздуха. Моторизированные патрули выдвинутся к месту атаки через 10-12 минут и начнут прочесывать местность - вдоль дорог. Вертолеты поднимутся в воздух через 5-7 минут, они будут расстреливать каждую машину в радиусе 10-15 километров от места атаки и каждую группу людей, которая им покажется подозрительной. Жизнь в окрестных селах замирала, когда в воздух поднимались вертолеты - никто не высовывал носа из-под крыш. Но ни один внедорожник не мог преодолеть частокол лесополосы, через который легко проходил кавалерист, или преследовать его через изрезанную оврагами местность. Через минуту после полдня лесопосадки начинали отбрасывать густую тень, и очень непросто было рассмотреть в ней цель с воздуха. А услышав гул двигателя, всадники укрывались под кронами деревьев и становились невидимы вообще. Это была тактика полевой лисы, которая уходит в лесополосу, где ее не может преследовать гончая между деревьями, укрывается под деревьями от канюка в небе и от взгляда охотника с ружьем, оставляя лесополосу - между собой и охотником.

Так лиса умудряется выживать в густонаселенной врагами местности, где на каждом шагу ее подстерегает опасность.

Но никакая лиса не способна выжить, если у нее нет логова.

Основной задачей отходящей группы было уйти броском из зоны прочесывания, после чего залечь и ждать темноты. А в темноте было уже намного легче ускользнуть в свое логово. Вспомогательной задачей было двигаться по заранее проложенному маршруту, не приближаясь к дорогам и избегая каких бы то ни было встреч. Они не могли допустить, чтобы противнику вообще стало известно о существовании кавалерийского метода. Поэтому каждый, кто мог встретиться им на пути - мог встретиться им на свою беду. Лисы с автоматами были серыми, как лисы, поскольку пятнистый камуфляж в этой местности мог охранить их не более, чем гиену - на улицах города. Каждый ствол был обмотан серой марлей, что затрудняло его идентификацию на расстоянии, каждый ствол был упрятан под серую или коричневую ветровку, ни один предмет одежды бойца не повторял покрой одежды другого бойца, их головы покрывали селянские кепки и мятые бейсболки - случайный встречный мог бы и не опасаться за свою жизнь, если у него хватило бы ума бросить взгляд издали и отвернуться.

Логово серых лис находилось на достаточном удалении от охотничьих угодий.

В тридцати километрах от места атаки поля заканчивались и переходили в редкое полесье, еще через десять километров полесье переходило в лес настоящий, не слишком дремучий, но достаточный, чтобы упрятать в стороне от большой дороги небольшой дачный поселок, привольно раскинувшийся меж высоких сосен. В мирное время здесь строились нувориши из ближайшего индустриального центра на манер цивилизованных европейцев. Усадьбы располагались недалеко, на больших участках, и не имели ничего общего с дачными домиками простых трудящихся. Но поселок числился дачным, а потому не был охвачен административным делением и отмечен на картах. Он даже не успел получить названия - в силу своей молодости, но уже успел стать заброшенным - силой социальных потрясений. Накануне

войны часть скоробогатеев бросила дачи и сбежала подальше и от этих дач, и от этой страны. Другая часть, подальновиднее, продала дачи за бесценок - и кто-то их купил. Теперь этот некто владел половиной усадеб - юридически - и являлся полновластным хозяином поселка - фактически. Съезд с трассы на дорогу, ведущую к бывшему убежищу миллионеров, был завален деревьями, упавшими то ли от ветра, то ли от взрыва, сама дорога - если бы кто-то наткнулся на нее, бродя по лесу - выглядела так, как если бы ею не пользовались уже много лет. Однако большинство усадеб были обитаемы, но явно служили жилищем насельникам скромным и нелюдимым, а неявно - логовом серых лис.

Глава 27

- Кто-то атаковал конвой, который шел в Новый Крест, - сказал человек с густой черно-седой бородой. - Ты ничего не знаешь об этом?

Тот, к кому он обращался, пожал плечами.

- Понятия не имею. А действительно ли - атаковал? Может, они просто наткнулась на старую мину?

- Два танка, две бронемашины и два фургона не могли наткнуться на старую мину.

- А что вез этот конвой?

- Индивидуальные пакеты, воду, осветительные ракеты.

- Ерунда. Кого-нибудь из нападавших убили? Отловили кого-нибудь?

- Нет.

- Ну тогда это проделки деда Мороза.

- Новый год еще далеко...

- А дед Мороз близко.

- Надо найти этого деда Мороза, - жестко сказал бородатый. - И я поручаю это дело тебе.

- Зачем?

- Затем, что он напал на американцев. А у нас с американцами договор.

- Кто договаривался?

- Я договаривался. Руководство договаривалось.

- О чем? Вы что, им путевку в санаторий продали?

- Причем здесь санаторий? - повысил голос бородатый. - Никто не может действовать на нашей территории без нашего ведома. Тем более - так действовать.

- А как он действовал?

- Он перебил всех, а там было двадцать человек, добил раненых.

- Вот упырь, при таком-то количестве перевязочного материала, - удивился собеседник. - А головы он с собой не забрал?

Бородатый стиснул зубы.

- Ты получил указание?

- Нет. Что я должен делать, конкретно?

- Установить личность, установить состав группы, установить место дислокации группы, тебе что, объяснять надо?

- Что делать с дедом Морозом?

- Убить.

- А почему не договориться?

- Если мы станем с ним договариваться, то американцы не станут договариваться с нами, неужели непонятно? - раздраженно ответил бородатый. - Когда ты работал в розыске, ты был более понятлив.

- Теперь я понял, - собеседник качнул лысой, ястребиной головой.

- Ну, так работай. Найди и кончи организатора, остальные сами разбегутся.

Они выбрались из бункера на поверхность и пошли к заводским воротам. Бункер находился на территории небольшого завода, на окраине города, и был построен впрок, как бомбоубежище - так никогда

и не востребованное. Как оказалась невостребованной вся военная машина страны - ее просто выключили, одним поворотом переключателя, когда война свалилась на голову североатлантическим звездопадом, - чтобы мягче было приземлиться войне. Как оказалась невостребованной до того и вся военная машина империи, построившей бункер, строившей авианосцы - и развалившейся оттого, что не было гвоздя - все гвозди ушли на распинание себя перед лицом общечеловеческих ценностей.

Лысый ястреб сел в свой дряхлый драндулет и вырулил на главную улицу города - здесь шел пир горой. Сюда, в бывшую индустриальную столицу бывшей суверенной страны, слетелись стервятники со всей Европы и из-за океана - здесь было чем поживиться. Контракты, контракты, контракты - это слово вспыхивало, как заклинание в неоне казино и баров, на вывесках маклерских контор и на лбах прохожих. Дармовой уголь, металл, электроэнергия, но самое главное - драгоценные метры и сантиметры нефтегазовой трубы, которыми торговали законные правительства этой страны - по одному, на каждый сантиметр трубопровода, и по два, на каждую букву закона. Теперь этот город охраняли пуще Форт-Нокса, теперь здесь жили две породы людей - МР и VIP, этот город был самым большим в мире рабским рынком, но рабы не допускались в центр, их скупали на периферии.

За пределами города грызлись между собой политические группировки, национально-освободительные движения, патриотические фронты, наемные армии и банды, и акции каждого из торгующих правительств зависели от перевеса сил. Дядя Сэм со своей голубой подругой мудро управляли ходом гражданской войны, не давая ей вспыхнуть и спалить весь свинарник, но и не позволяя ни одной свинье загрести под себя все корыто. Дядя Сэм с удовольствием загреб бы все под себя - но из-за бугра выглядывала одна из голов российского орла, пока другая висела пьяной, и следовало сохранять миротворческие приличия - чтобы не склонули сдуру цилиндр.

По всей стране были натканы военные базы, посты и блокпосты, образуя сеть, по которой текло влияние то к одной, то к другой из враждующих сторон, ни Вашингтон, ни Брюссель не могли придумать ничего

нового, сценарий был давно отработан в Югославии, но там брать было нечего, а здесь - очень даже было чего.

Руля на своем драндулете в потоке «мерседесов» и «хаммеров» и через каждые три минуты предъявляя аусвайс, лысый ястреб размышлял: как неглупый, в принципе, народ мог вляпаться в такое дерьмо? И размышляя, был вынужден с прискорбием признать - так же, как он вляпывался всегда, от царя Гороха. Сколько раз уже били его по башке, но он так и не понял, что любая власть - плохая. И что до тех пор, пока он будет искать хорошую власть - его будут бить по башке. Потому что плохая власть опирается на его башку, когда свергает еще худшую власть - но сама не становится от этого лучше. Красные сменяют белых, желто-голубые - красных, оранжевые - желто-голубых, и каждая власть всласть пинает его, дурака, каблуком в темечко - и приходя, и уходя.

Теперь он дождался звездно-полосатого на свою дурную голову, теперь он будет вздыхать в сторону бело-красно-голубого, как о спасителе, и дождется.

Он дождется, что двуглавый и белоголовый схватятся и будут топтаться на его голове, и так уже вбитой в землю по самую маковку, пока от нее вообще ничего не останется. Он так и не понял, и уже не поймет, что только тогда мог бы вздохнуть по-человечески - если бы сам оперся о голову власти. Если бы сделал ее безвластной - просто исполнительной структурой, не издающей и не имеющей права издавать ни закона, ни звука. Просто исполняющей писанное на бумаге, раз и навсегда писанное - и никаких корректив. Какие могут быть коррективы? Сущность юриспруденции не изменилась со времен римского права, а человек, в сущности, не изменился за последние двадцать тысяч лет. Чем его не устраивает - не убий, не укради, не выбей глаз ближнему? Повторите эти заповеди на всех уровнях - политическом, экономическом, социальном, бытовом - и вы будете иметь свод законов на все случаи жизни, вплоть до того, как и в каком случае глаз ближнему надо таки выбивать. Не трогайте ничего в этих законах - и не надо будет никому выцарапывать глаза. Все революции, все кровопролития, вся несправедливость в мире - оттого, что одни люди пишут законы для других людей, а потом третьи люди переписывают эти законы для тех же самых людей.

« Что? - размышлял лысый ястреб, расклевавший не одну дюжину голов. - Что вращает эту кровавую мясорубку? - И с величайшим отвращением был вынужден признать, что фактором нестабильности, раз за разом смещающим центр тяжести, является сама возможность опереться на голову демоса - фактор демократии. Народ не может опереться на собственную голову - за него это всегда делает кто-то другой, тот, кто умнее народа. Весь так называемый социальный прогресс сводится к борьбе тех, кто умнее, за голову народа - на которую можно опереться. Но кто эти - те? Они невидимы, они - глас народа, их невозможно назвать по именам. Они неуязвимы, являясь язвой на теле самого человечества, больного этой язвой. Из мясорубки не было выхода - кроме как в виде фарша.

Лысый ястреб усмехнулся - он не хотел быть фаршем.

Глава 28

- We all live on the yellow submarine, - тихо пропел он в трубку.
- О! - Сказала Таня. - Сколько?
- Отсюда и до луны. Плюс красный дракон.
- Сколько ты хочешь?
- Баш на баш.
- Сто тысяч башей пополам?
- Без проблем.
- Отсчитай семнадцать плюс единица.
- Сделано. Место встречи изменить нельзя?
- Нельзя. И прими меры.
- Я их всегда принимаю.

Ночью он сидел у лесного озера и смотрел на отражение луны в воде, о том, что машины движутся к точке передачи, ему сообщили по рации десять минут назад.

Песок тихо заскрипел под колесами, на берег выползла серая Танина «Нива» с синими заслонками на фарах. Вслед за ней подтянулся потрепанный микроавтобус «УАЗ», за ним - зеленая «Нива», инкассаторский вариант. На первый взгляд было незаметно, что машина охранения - бронированная. Он усмехнулся: детские игрушки для мирного времени, никакая инкассаторская бронезащита не удержит пулю из крупнокалиберного пулемета.

Дверцы тихо хлопнули, в свете луны появилась Таня и покупатель, охрана клиента затаилась в машинах, чуть приспустив стекла: профессиональная скромность! Но его бойцы сидели на деревьях с бронебойным оружием в руках, и предосторожности клиента ничего не стоили. Впрочем, клиент и сам это знал, однако - этикет есть этикет.

Упаковки, взятые у американцев, были вскрыты, клиент открыл стальную чемодан.

Пока покупатель с помощником пересчитывал тубусы, заполненные желтыми таблетками и красными капсулами, перекладывая их в простые джутовые мешки, а Берта с помощником пересчитывала нежно разрисованные, похожие на французские акварели евро, они отошли с Таней в сторону.

- Никак не возьму в толк, - сказал он, - зачем штатникам столько «колес»?

- Ты что, действительно не понимаешь?

- Нет.

- Они их продают, - Таня усмехнулась. - Но с тобой дело иметь намного выгодней.

- Конечно. Но ты намекни клиенту, что на этом товаре - ведро штатовской крови, пусть имеет осторожность.

- Он имеет осторожность. А весь этот товар делают в Латвии.

- Я видел надписи на упаковках.

- И ничего, кроме надписей, на нем нет. Американцы покупают или крадут его там же, где и любой другой торговец, - она усмехнулась, - кроме тебя. Весь товар, который ходит здесь, произведен в одном месте, его невозможно отследить до военной базы. Если, конечно, ты не хранишь накладных.

- Не успел оформить бумаги - контрагенты умерли.
- Земля им пухом.
- Земля им рваным цинком и битым стеклом. Черт с ними, у меня есть просьба к тебе.
- Давай.
- Мне нужна пара автомобилей, любых автомобилей, но с документами и номерами из другой области.
- Какой области?
- Подальше отсюда, Житомирской, например.
- А имя владельца?
- Пусть будет какая-нибудь контора, какой-нибудь склад резиновых изделий №13.
- Сделаю.
- Спасибо. Ты же не собираешься возвращаться назад с ними?
- он кивнул на уже заканчивавших технологический процесс клиентов.
- Конечно, нет.
- Тогда - шашлык, коньяк и роскошь человеческого общения, идет?
- Идет.

Около полутора часов спустя они расположились под звездным небом во дворе усадьбы, мангал отбрасывал красные блики на их лица, вкусно пахло жареным мясом.

- Нет больших жлобов, чем американцы, - сказала Таня. - Они умудряются брать деньги даже у тех, против кого воюют. Как такие люди сумели завладеть половиной мира?

- Так же, как они завладели красненькими и желтенькими, - усмехнулся он, помешивая угли. - Купили или украли. Они вложили деньги в оранжевые витамины для нашей революции, теперь получают дивиденды от метамфетаминов для нашей войны.

- Это не было нашей революцией и это не есть наша война, - сказала Берта.

- Зато «колеса» - наши! - расхохотался он.

- Это единственное, что есть нашего в этой стране, - заметила Таня.

- Да ладно вам обоим! - он взял пару шампуров и вручил женщинам по шашлыку. - У меня две дырки в голове, за патриотизм, - он взял шашлык себе. - Плевать мне и на эту страну, и на любую другую, так же, как и вам. Но народ этой страны, включая и нас с вами, сам поджег свой дом с четырех концов. А то, что американцы спички дали - так не надо было быть идиотами и хвататься за спички, плюнуть надо было и на синих и на оранжевых.

- Ты не был идиотом, - усмехнулась Берта.

- Я идиот уже потому, что родился в этой стране, - ухмыльнулся он в ответ. - В какой еще стране нищий народ стал бы защищать интересы «синего» или «оранжевого» барина - даже не за бутылку водки, но ценой своей головы? Собаке - собачья жизнь, - он впился зубами в истекающее горячим жиром мясо.

Из темноты к свету вышел смуглый юноша лет шестнадцати и сказал, сверкнув белозубой улыбкой:

- Там Лётка рожать начала.

- О! - он отложил свой шашлык и вскочил на ноги. - Пойдем, посмотрим?

Когда они вошли в конюшню, там уже сгрудились вокруг рожающей лошади четыре человека - благообразный старик в белом, клеенчатом фартуке и трое крепких, бритоголовых молодых людей. Показалась голова и две болтающиеся ножки, Летка напрягла живот, вздохнула, и вот - маленькое живое существо выскользнуло в мир и, поддерживаемое руками старика, встало на миниатюрные копытца, поводя раскосыми, несфокусированными еще глазами, у игрушечной кобылки была нежная серая шерсть и белые волосы.

- Имя? - громко спросил старик.

Присутствующие озадаченно переглянулись.

- Берта! - сказал от двери смуглый юноша. Все расхохотались.

- Ты не против? - спросил старик.

Берта покачала головой:

- Не против.

- А хозяин не против? - еще раз спросил старик.

Хозяин против не был.

- Нарекается Бертой! - сказал старик и подсунул новорожденную к ищущим ноздрям кобылы - облизать.

- Это - настоящая венгерская принцесса, - сказал он Берте, когда они вернулись к своим шашлыкам, - я дарю ее тебе. Теперь ее полное имя - Берта-Лотта Холо-Мештерхази.

- Спасибо.

- Это королевский подарок, - заметила Таня. - Таких лошадей рождается пара тысяч в год во всем мире.

- А людей - десять миллионов, - ухмыльнулся он. - Большинство из которых не стоит навоза от нее. А от этой кобылки даже навоз - большая ценность. Береги ее.

- Буду беречь, - кивнула Берта. - Она очень красивая.

- В отличие от человеческих младенцев, - он ухмыльнулся еще шире. - Ни одно живое существо не рождается на свет таким отвратительным, как человек, - он расхохотался, - который становится, по мере взросления, еще гаже.

- Отчего ты так не любишь человеческих младенцев? - спросила Берта.

- Оттого, что я слишком много видел их, завернутых в газету и выброшенных на помойку, - переставая смеяться, ответил он.

Глава 29

- Я кончил деда Мороза, - сказал лысый.

Бородатый любил забираться под землю, но на этот раз они прогуливались по живописному берегу лесного озера.

- Как ты на него вышел?

- Через агентуру.

- Ты, конечно, не сообщишь мне имена своей агентуры?

- Конечно, нет.

- Что он за тип?
 - Ничего особенного. Бывший прапорщик внутренних войск. Сам родом из Житомира, но служил здесь, в Горловке.
 - В зоне, что ли?
 - Точно, в зоне.
 - А что за бригада?
 - Сборная бригада. Состав менялся от акции к акции - бандюки, в общем.
 - Гастролеры?
 - Гастролеры. Но здесь он набрал в группу еще и местных, бывших сослуживцев.
 - Как ты можешь быть уверен, что он - дед Мороз?
 - У меня есть вещественные доказательства.
 - Где они?
 - Мы к ним идем.
- Они продрались через заросли орешника, среди кустов стояли два автомобиля - помятый микроавтобус «Фольксваген» без лобового стекла и джип «Судзуки», оба побитые пулями.
- Кому принадлежат машины? - спросил бородатый, внимательно рассматривая житомирские номера.
 - Какое-то ЛТД, подстава, вероятней всего, - лысый со скрежетом отодвинул дверь «фольксвагена». - Смотри.
- В углу салона валялись разорванные ящики из-под медикаментов и куча индивидуальных пакетов.
- Это их оружие, - лысый сдернул запятнанную кровью мешковину со стволов, лежавших на полу.
 - А это что? - бородатый ткнул пальцем в туго набитый мешок.
 - Это их головы. Хочешь посмотреть?
 - На хрена они мне? - бородатый брезгливо скривил губы, - Я их что, в лицо знаю?
 - Их документы в джипе.
 - Ладно, закрывай, воняет уже. Сколько их было всего?
 - Здесь семеро, - усмехнулся лысый, - и четверо сгорели в «Ниве».

- Ты их что, на дороге прихватил?
- На дороге.
- А где товар?
- Не у кого было спросить. Но я буду искать.
- Ладно. Чего ты хочешь?
- Ты имеешь в виду - в качестве премии за работу?
- Да.
- Цыганский поселок в Холодной Балке.
- Ты хочешь, чтобы он был твой?
- Да.
- Не многовато будет?
- По-моему - в самый раз.

Бородатый почесал бороду.

- Ну, ладно. Но тогда ты мне будешь должен еще сорок ящиков водки.

- Спиртом возьмешь?
- Возьму. Хороший спирт?
- Лучше не бывает. Я его сам делаю.

Освободившись от бородатого, он вернулся в лисье логово, его встретил смуглый юноша.

- К нам пришел какой-то человек от Тани. Ждет тебя.

Он прошел в дом. Незнакомец поднялся ему навстречу из-за стола - высокий, широкоплечий, рыжие усы скобкой - такие усы были в моде у десантников, до войны.

- Здравствуйте.

Они пожали друг другу руки.

- Есть хотите?
- Спасибо, меня уже накормили.
- Ну, тогда рассказывайте.

Они сели за стол друг напротив друга.

- Меня называют Большой Бум, - сказал незнакомец и усмехнулся, зубы у него были на редкость белые и ровные. - Можно просто - Бум. Вообще-то я инженер-ракетчик, но могу взорвать все, научился. Вот и взрывал, пока не прихватили.

- Что?

- Поезда, в основном.

- Зачем?

- Ради хлеба насущного, в основном, - Бум потер крепкий подбородок. - Консервы, оружие, ну и все такое.

- Сам?

- Нет, не сам. Группа была, был еще Маленький Бум, - взрывник печально усмехнулся. - Но он погиб.

- Кто вас прихватил?

- МР. Всех перебили, один я остался. Теперь они гоняются за мной и пришибут, если поймают. Документы у меня паршивые, деваться некуда.

- Как ты вышел на Таню?

- Я имел с ней дела - по боеприпасам, по медикаментам, ну и все такое.

- Хорошо. Пойдем, пройдемся.

Они вышли со двора и пошли по узкой грунтовке вдоль усадебных участков, между дорогой и лесом тянулась полоска поля, засеянного подсолнечником, там работали люди, длинными ножами они срубали головки подсолнухов.

- Что ты умеешь делать, - спросил он, - кроме взрывного дела? Здесь надо еще и работать, - он усмехнулся. - Ради хлеба насущного.

- Да все могу. У моих родителей свой дом был, сад, огород, корову держали. Да и служил я в этих местах, - Бум повел рукой в сторону леса. - Здесь же было полно ракетных точек когда-то. А на точке - свое подсобное хозяйство, свиньи, утки и все такое. Ну и охотились, конечно.

- Стреляешь?

- Хорошо стреляю. И оружие наладить могу, любое.

- Ладно. Остаешься с испытательным сроком. Все, что ты сказал, я проверю. Я тебе не командир, ты мне не подчиненный. Но если ты не выполнишь мое указание - дам кусок сала, и спасайся сам, как знаешь. А если не выполнишь приказ в бою - пристрелю на месте. Понял?

- Понял.

- Теперь иди к Григорию, он тебя определит в какую-нибудь группу.

Вечером того же дня у сияющего огнями казино «Вепрь» остановился «Мерседес». Из него вышел лысый джентльмен в смокинге, небрежно махнув пластиковой карточкой перед носом двух военных полицейских, прошел через неоновый портал и, миновав игорный зал, опустился за столик в ресторане, подальше от эстрады.

Через несколько минут напротив него сел человек среднего возраста, средней внешности, с аккуратно подстриженными английскими усами, в скромном твидовом пиджаке и чудовищно дорогих штиблетах крокодиловой кожи зеленого цвета.

- Мне нужны две «стрелы», - произнес лысый джентльмен, извлекая из нагрудного кармана сигару.

- Это сложно, но выполнимо, - визави щелкнул золотой зажигалкой, поднося огонь.

- Насколько сложно?

- Какой срок?

- Вчера, - лысый джентльмен выпустил клуб ароматного дыма.

Визави поиграл зажигалкой.

- Это сложно на 25 тысяч долларов.

- За обе?

- За штуку.

- Дорого.

- Все дорожает.

- Ладно, - лысый извлек из внутреннего кармана плотный конверт и пустил его по зеркальной поверхности стола. Визави поймал конверт и ухмыльнулся, быстро пересчитав деньги.

- Вы знали цену.

- Если бы я не знал цен, то не играл бы в эти игры, - джентльмен встал.

Средний человек поднялся вслед за ним, опуская конверт в карман вместе с зажигалкой.

- Вам доставить?

- Сам заберу.

Глава 30

- Они совсем оборзели! - седовласый мужчина в железных очках раздраженно раздавил в пепельнице окуроч. - Они уже внаглую делят наше имущество!

В бункере собралось семь человек, табачный дым плавал в конусе света, падающем на круглый стол из-под жестяного колпака висячей лампы, углы тонули во мраке.

Обсуждался вопрос о прибытии польской делегации для участия в торгах, устроенных местным правительством под эгидой оккупационных властей. Продавался, на этот раз, металлургический завод и было известно, что поляки уже дали солидную взятку.

- Замочить бы этих поляков, - задумчиво сказал худой и длинноволосый молодой человек с кокаиновыми глазами.

- Как? - спросил толстый и бритоголовый молодой человек. - Их же возят туда-сюда американцы.

- Их русские возят, - возразил мужчина средних лет в потрепанной ковбойке и с трубкой в руке. - Американцы охраняют аэродром. А прилетают поляки на российском «Боинге».

- Да какая разница, на чем они прилетают, - раздраженно вступил верзила в форме сил самообороны. - На аэродром не пробиться, с аэродрома их повезут под охраной в «Викторию», а там - крепость.

- Если поляки наложат лапу на завод, - ухмыльнулся седовласый, в очках, человеку с трубкой, - они угробят твою шахту, они захотят покупать уголь сами у себя.

- А если угробить поляков, то другим станет неповадно, - сказал бородач в черной тюбетейке. - Тем более, что сюда прибывают хозяева, а не менеджеры.

- Тем более, что в конце концов, - воспрянул молодой человек с кокаиновыми глазами. - Вон проклятых оккупантов!

Повисла скептическая тишина.

- Я могу снять проблему, - почти незаинтересованно сказал лысый джентельмен.

- Как?! - очень заинтересовался седовласый.

- Это мое дело.
- Ну-у, - протянул человек с трубкой, - если за это дело возьмется человек со стороны...
- Он же не просто так возьмется, - ухмыльнулся бородач.
- Конечно, конечно, - покивал человек с трубкой.
- Что вам для этого надо? - вмешался седовласый.
- Тип машины, бортовой номер, время и место вылета, время и место прибытия.
- Это все? - спросил седовласый.
- Нет, не все. Но и этого - очень немало. Вы можете дать мне такие сведения?
- Сможем, - сказал человек в форме.
- Что еще? - спросил человек с трубкой.
- Лысый ястреб ухмыльнулся.
- Пятьсот тысяч евро. Пятьдесят - вперед.
- Вы что? - седовласый нахмурился. - Мы боремся за свободу родины.
- Да брось ты! - махнул трубкой человек с трубкой. - Сумма немаленькая, надо посоветоваться, - он обвел взглядом присутствующих.
- Зачем вам столько денег? - удивился толстый молодой человек.
- У меня большая семья, - лысый ястреб оскалился, - и большие траты. Если цена вас не устраивает - всегда можно поискать кого-то другого.
- Никто не говорил, что цена не устраивает! - повысил голос человек с трубкой. - Но решение должны принимать все, и в тратах должны участвовать все. Я «за», - он твердо посмотрел на толстого молодого человека. Тот покряхтел и кивнул:
- Ну, если поровну - я согласен.
- За ним, по очереди, наклонили головы все. Седовласый - тоже.
- Но имейте ввиду... - начал было он, подняв голову.
- Да он и сам все знает, - ухмыльнулся бородач.
- Выйдя из бункера, лысый ястреб сел в машину и поехал через центр - так было намного безопасней, чем красться по окраинам. В цен-

тре он мог опасаться только иностранных оккупантов, от которых хранил надежный аусвайс, а на окраинах его не охранил бы ни Бог, ни черт от родного брата.

Он ехал по главной улице города, поглядывая на его неоновую похоть, и размышлял о том, что еще лет десять назад с удовольствием поразмышлял бы о том, что хорошо бы уронить «боинг» или два «боинга» на головы этих свиней. Но сейчас он был уже очень далек от такого ребячества. Теперь-то он знал, что ликующих нет, что улыбка и гримаса боли - одно и то же, и что лучший способ наказать любого урода - это позволить ему домучиться до конца. Он разучился ненавидеть, его уже не поражала собственная мизантропия, и даже тошноты не было. Со времен Авраама и Иакова не было пророка, который не обличал бы людей и человечество. Со времен Будды, Пифагора и Лао-Цзы не было мудреца, который не смеялся бы над человечеством и не презирал его. Такое количество умников само по себе было - маленьким человечеством, и кто он был такой, чтобы испытывать тошноту или считать себя мизантропом?

Он смотрел на обгаренные неоном и запятнанные зеленой неона лица, каждое из которых могло быть отчеканено на монете - как символ денег и, думая о том, что все они умрут мученической смертью от тысячи и одного наслаждения, заплатив за каждое - и за отсутствие каждого из них. Он думал о том, что Содом и Гоморра будут возникать снова и снова, что даже Господь не может справиться с неутолимой жадой человечков - платить, и что человек, чье лицо отчеканено на монете - платит и за грехи Господа.

Он ехал через ад, легко лавируя в потоке машин - и верил в Бога, верил пророкам - и ненавидел их всех, не имея сил ненавидеть человечество.

На выезде из города его встретили два усиленных стальными щитами «УАЗа» сопровождения - здесь время «мерседесов» заканчивалось.

Глава 31

Пост горел. Этот пост называли - блокпостом, но на самом деле он ничего не блокировал. Он находился на пересечении трех дорог, но по этим дорогам никто не ездил, кроме армейских колонн, местные жители предпочитали пробираться полями и проселками.

Атака была основана на точном расчете времени и сил противника. Пост был расположен всего в двенадцати километрах на юг от охраняемой зоны аэродрома, и охраняемой, как зеница ока - аэродром являлся главным транспортным терминалом оккупационных войск. Но там не было места ни для одного боевого вертолета - инфраструктура предприятия и так работала с большой перегрузкой, принимая как военные, так и гражданские транспорты, одновременно являясь и базой для эскадрильи стратегических бомбардировщиков. Отдельные машины, которые могли находиться там или в радиусе 40 км от точки атаки, не были штурмовыми, находились в распоряжении отдельных чиновников и не могли быть использованы для контратаки. Ближайшее же подразделение, имевшее в своем составе боевые вертолеты, находилось в 42 км от поста. При скорости в 300 км/час и 5 км/мин., при благоприятных погодных условиях и нормальной видимости вертолеты могли достичь цели за 8,4 минуты - с момента вылета, а не с момента получения приказа. Вблизи поста и поперек вероятного направления вертолетной атаки проходила линия высоковольтной передачи, что затрудняло маневр - особенно в сумерках или в темноте. Наземный подход со стороны аэропорта легко блокировался - на дороге был автомобильный мост. Со стороны города любое дислоцированное там подразделение не могло преодолеть расстояние в 25 км намного ранее, чем за 16 минут, даже двигаясь со скоростью до 100 км/час, что являлось пределом для бронетехники. Третья дорога - на юг - была свободна от миротворцев на протяжении 70 км, этот отрезок контролировался никчемной местной полицией, и его можно было не принимать в расчет там, где счет шел на минуты.

Но кроме дорог существовало еще и бездорожье, а кроме воздушного пространства существовало еще и урбанизированное пространс-

тво, забитое полувывершими поселками, сдохшими предприятиями и свалками вперемешку с лоскутами то ли полей, то ли огородов, купами больных деревьев, терриконами, изрезанное во всех направлениях загаженными речушками и балками. Это была - Зона, здесь даже ворона не могла высмотреть себе поживу, если не была местной, здесь ориентировалась только крыса, выросшая в этом мусорнике. А в этой зоне, примыкавшей к посту с востока, можно было укрыться от наблюдения сверху и, зная ходы, выйти из десятикилометровой зоны прочесывания за двадцать минут - если использовать лошадей.

Пост был атакован в сумерках, при низкой облачности и сильном боковом ветре - вертолеты прибыли не через 8, а через 24 минуты. Машины поднятой по тревоге охраны аэродрома сразу встали у взорванного моста - в семи километрах от места событий. Войска из города не прибыли вообще - руководство посчитало, что вертолетного десанта вполне достаточно. Один из вертолетов разбился, зацепившись за высоковольтную опору. Остальные, высадив десант, веером ринулись на перехват - но лошади уже четыре минуты уносили всадников, вне пределов видимости того звена, которое полетело в правильном направлении. В воздухе над аэродромом что-то вспыхнуло. Опускалась ночь.

Когда, оставшиеся в живых десантники, приблизились к форту, там ничего уже не было слышно, кроме треска огня. На них устались одиннадцать голов, насаженных на колья, воткнутые в землю, в носу у каждой висел жетон с личным номером. Сильно воняло паленым мясом. Горело одиннадцать сваленных в кучу тел, обезглавленных и политых бензином.

Получив сигнал, охранники из аэропорта развернулись и помчались назад. Но их помощь была уже не нужна. Не нужна была и помощь медиков - никого не осталось в живых в обломках «боинга», рухнувшего в окрестностях аэродрома, не дотянув до посадочной полосы.

А в двух километрах от охраняемой зоны аэродрома догорал в посадке «газ» с надписью «аварийная» на борту и трубой от использованной ракеты внутри, а сумасшедшие кони, пренебрегая правилами игры, уносили всадников через шахматную доску полей, насквозь пронизывая ограничительные линии лесопосадок.

Глава 32

- Я их не люблю, - сказал он.

- За что? - спросил Большой Бум.

Они сидели в павильоне во дворе усадьбы и пили великолепный кальвадос, почти черный от выдержки в настоящей дубовой бочке, не чокаясь и закусывая его салом с хлебом.

- А ни за что, - ответил он. - Я мог бы привести тысячу причин и аргументировать их очень логично. Но формальная логика не имеет никакого смысла на войне. В счет идет только результат. А результат определяется количеством ума и количеством злости, которое ты в него вкладываешь.

- Ум - это и есть логика, - возразил Бум.

- Ничего подобного. Логика ограничивает ум. А то, что большинство людей называет умом - это просто хорошо подвешенный язык.

- Неправильно говорите, - Бум смущенно ухмыльнулся и потер подбородок, ему было неудобно возражать начальству, но он был честен от природы и притом, странное дело, совсем не глуп.

- Неправильно? Разве мы не правильно рассчитали атаку на блокпост? Но мы погнали лошадей, когда можно было и не гнать, и Макс свернул себе шею оттого, что лошадь попала ногой в кротовину, которая могла там оказаться в любом случае.

- Это случайность.

- Конечно, случайность. Вся наша жизнь - случайность. Нам кажется, что мы ограничиваем случай, поверяя ее логикой, но это самообман. Мы просто перенаправляем вектор случая в сторону, где уже не можем ничего предвидеть - ногой в кротовину.

- Нельзя не планировать операции.

- Нельзя. Нельзя не думать. Нельзя не жить. Но жизнь работает не по законам нашего думания, вот в чем дело. Мы ищем потерянные часы под фонарем. Находим, если они там есть. И не находим, если их там нет - но продолжаем искать. Это и есть процесс логического мышления - всегда искать под фонарем.

- Фонарь, что ли, разбить? - ухмыльнулся Бум и плеснул себе в рюмку.

- Тогда ты или ослепнешь, или научишься видеть в темноте.

- Я уже видел, как вы двигаетесь в темноте, - серьезно сказал Бум. - Очень впечатляет. Мы бы налетели на тех желто-синих баранов и заплатили жизнью, если бы вы не унюхали их с расстояния в пятьсот метров. Откуда они взялись, гады? Что они там вообще делали?

- Они перегружали ящики из одной машины в другую, ты что, не видел?

- Нет. Мне бы ваше зрение. Этому можно научиться?

- За все надо платить. Я заплатил тем, что не различаю в темноте, где бараны, а где волки. Вот почему я не люблю американцев. Не потому, что они хуже или лучше наших баранов, наши бараны намного опаснее, чем их волки. Я не люблю их за то, что они есть, и не имею причин врать себе, придумывая обоснования.

- Поэтому вы отрезаете им головы? - помявшись, спросил Бум.

- Нет, не поэтому. У меня нет к ним ненависти. У меня есть трезвый расчет. Американцы более других привыкли к безнаказанности. Испанца, не говоря уже о чехе, дома будут гнать, как гниду, если он убьет здесь ребенка. А американца никто не осудит. У них другие стандарты для других народов. Та же психология, что и у цыганского племени. Только это цыганское племя не такое бесшабашное и разрослось до масштабов империи. Американский индивидуализм - это миф. Их там всех делают на конвейере. И они привыкли безнаказанно убивать, зная, что империя защитит. Вот почему их надо приучать к персональной ответственности за содеянное - это касается любого солдата, который надевает форму, как маску демона, принимающую на себя моральную ответственность за зло, - но американца это касается более других. Сильные мира сего придумали форму, чтобы превратить своих солдат в легион демонов, но американцу форма нужна менее других - он и так велик и бесстыден. Поэтому, он должен увидеть свое лицо, надетое на кол. Террор - это очень действенное средство ведения войны. Страх парализует, и страх учит быть человеческим - демон не боится ничего, для людей бесчеловечность и сила - это синонимы. И они совершенно правы. Человек, имеющий совесть и страх Божий - не

имеет силы, чтобы творить зло. А творение добра никогда не считалось силой между людьми. Они так ничего и не поняли в учении своего Спасителя, и никогда не поймут. Они всегда будут кричать - «Иди!» - если на Голгофу идет кто-то другой. Потому что добру можно научить только злом, а не жертвой. Человек должен увидеть свое лицо воздетым на кол - без масок - и устраситься. Террором пропитан весь Старый - и верный - Завет, - он усмехнулся. - Бог-Отец применял террор на каждом шагу, приучая людей к страху Божьему - правда, у него ничего не вышло. Зато люди научились у Бога нагонять страх на других. Террор потерял актуальность с изобретением средств массового уничтожения и снова обрел ее в эпоху локальных войн. Но, чтобы быть действенным, террор должен быть адресным, бомба в автобусе - это удар судьбы, людей не испугать таким террором. И ничему не научить Освенцимом и Хиросимой - они уже забыли и то и другое. Но могу тебе сказать, как бывший мент, что человека можно довести до петли - простыми угрозами по телефону в адрес его семьи. И если кто-то убьет твоего соседа за невозвращенный долг, и ты увидишь этого соседа в луже крови на лестничной площадке - ты никогда в жизни ни у кого не займешь ни копейки. Я не могу достать маму и папу американского солдата - даже по телефону. Я не могу взорвать его детей - хотя и сделал бы это с удовольствием. Но я могу насадить на кол самого американского солдата - пусть платит за всех: и за своих, и за моих. И вот когда американский солдат увидит другого американского солдата, насаженного на кол, а лучше, - подвешенного за яйца, вот тогда он тысячу раз подумает, прежде чем нажать на курок и пристрелить бабку с коровой на обочине дороги или раскатать танком по асфальту пацана на велосипеде. Конечно, он будет топтать ногами, сжимать кулаки и кричать о мести - для публики. Конечно, он возьмет жетончик на память - так делают в кино все американские герои. Но я-то знаю, что теперь он будет бояться, я видел таких, как он, и размазывал их по стенке, когда он еще не родился. Все люди таковы.

- Кроме вас? - осторожно ухмыльнулся Бум.

- Кроме нас, - широко ухмыльнулся он в ответ. - Меня никто не может испугать, потому что я боюсь сам. И мой великий страх не допускает ко мне все мелкие человеческие страхи.

- И чего же вы боитесь? - спросил Бум, посерьезнев.

- Бога, - ответил он.

Глава 33

Раздался выстрел. Кабан споткнулся на бегу и рухнул на бок, взбороздив клыком опавшие листья. Таня опустила карабин.

- Хороший выстрел, - заметила Берта.

Через час они сидели у костра, выпотрошенный кабан висел, подвешенный за ноги к нижней ветке дерева, на длинных дубовых щепках поджаривались куски печени.

- С нас уже второй месяц не берут налог на мак, - сказала Таня.

- С чего бы это? - он усмехнулся, он ждал этого вопроса. - Я не жадный, ты же знаешь.

Таня вопросительно подняла брови. Он достал сигару.

- Теперь налог переведен на меня.

Таня не очень удивилась.

- Так почему же ты его не берешь?

Он прикурил сигару от уголька.

- Я изменяю форму оплаты.

- И ждешь, пока подрастут цыганские девственницы? - усмехнулась Таня.

- Если бы я хотел девственниц, мне пришлось бы отнимать их от материнской груди, - заметил он. - Ты можешь оставить себе и девственниц и процент. Но, - он выпустил клуб ароматного дыма, - я жду ответного жеста.

- Какого?
- Мне нужен контакт с Россией. Я хочу, чтобы вы доставили мой товар мне, по своему траффику.
- Какой товар?
- Средства связи.
- Их что, здесь нет?
- Таких - нет.
- Это секрет?
- Для тебя - нет. Это такая штука, с помощью которой можно влиять на навигационные приборы самолетов.
- Ого! - Таня тихо присвистнула. - Тебе понравилось смотреть, как падают самолеты?
- И всего, что имеет такие приборы, - продолжил он. - Например, ракет. Это средство связи не с самим прибором, а со спутником, который передает информацию на прибор.
- Ничего себе. Откуда у тебя такие деньги?
- У меня нет таких денег. Но в России есть люди, которые хотят, чтобы у меня была такая штука. Они хотят подарить ее мне, за умеренную плату, - он ухмыльнулся, - как я дарю тебе процент за умеренную услугу.
- Это не умеренная услуга, - возразила Таня. - Это вилы. Ты же понимаешь, что я сделаю для тебя все, но это не мешок мака, за такие дела сразу поставят к стенке.
- Твои люди рискуют головой меньше, чем за мешок мака, - несколько раздраженно сказал он. - Просто за то, что живут, - и добавил вразумляюще. - И никакой МР не разберется, что это такое.
- Как эта штука выглядит?
- Как электрогенератор. Как два электрогенератора весом по полторы сотни кг.
- Их можно разобрать?
- Нет. Но они в японских корпусах и в ящиках с японскими лэйблами - быттехника.
- Хорошо, я попробую.

- Нет, Таня, пробовать нельзя. Если штука пропадет - то клянусь тебе Богом, чертом и своей головой, я приду в поселок и не оставлю в живых никого, ни младенца, ни кошки.

Таня помолчала.

- У меня нет выбора?

- Ты можешь отказаться.

- А у них есть выбор?

- Ты сделаешь выбор за них. И примешь на себя ответственность.

Таня сверкнула глазами, отбросив с лица седую прядь.

- Ты угрожаешь мне?

- Волос не упадет с твоей головы. Но ты отвечаешь их головами за свой выбор.

- Зачем тебе нужна эта вещь?

- А я не знаю! - он расхохотался. - Я только знаю, что это шанс не быть подопытной крысой, а самому ставить эксперименты.

- И этот шанс стоит жизни целого племени?

- Ничья жизнь ничего не стоит без такого шанса! - крикнул он. - Мы живем сегодня, чтобы умереть завтра, и все наши сегодня и завтра нанизаны, как на стержень, на этот шанс. Мы живем, мы боремся, мы грызем друг друга насмерть. Но стоит подняться в воздух одному бомбардировщику, - он вскочил на ноги и взмахнул рукой, - и от всей этой местности ничего не останется, даже червей в земле. И это сделает один-единственный выблядок, просто щелкнув пальцами, - он снова сел, остывая. - Я согласен склонить голову перед Богом, но я не могу склонить голову перед выблядком.

- А ты уверен, что...

- Нет, не уверен, - ухмыльнулся он. - Я не уверен, что Бог - не выблядок. Такой же, каким я являюсь сейчас по отношению к тебе. Но если бы Бог не вбивал меня в землю ударами по башке - я бы не научился выпрямляться.

- Цыгане не нуждаются в чувстве собственного достоинства, - усмехнулась Таня. - Им достаточно золота.

- Не достаточно. Вынь из любого человека стержень, то, что он почитает за собственное достоинство - и человек рассыплется, как куча

мусора. Что пользы тебе в богатствах земных, если жизнь свою потеряешь?

Таня посмотрела на него долгим и внимательным взглядом, потом кивнула.

- Хорошо. Я привезу тебе эту штуку. Я сама поеду.

Он тихо рассмеялся.

- Ты старая лиса. Ты хочешь подсунуть мне свою голову в залог?

Таня расхохоталась

- Но у меня же больше ничего нет, - она чисто цыганским жестом хлопнула себя между ног, - кроме моего достоинства!

Через несколько часов они сидели друг напротив друга в жарко протопленной бане. Таня несколько отяжелела в последние годы, в ее черных волосах появились длинные седые пряди, но это красило ее, и она все еще продолжала оставаться роскошной женщиной. Он подумал, что и в старости она будет очень красивой старухой.

- Почему ты не хочешь привезти эту вещь сам, - спросила Таня, - если она такая ценная?

- Потому, что она слишком ценная, чтобы рисковать по-дилетантски. Я хочу, чтобы она прошла проверенным, надежным каналом.

- Я так понимаю, что ее нельзя перемещать по транспортным линиям?

- Нельзя. На телеге, на горбу, полем, лесом - как угодно. Но она не должна проходить через точки, где может оказаться радиометрический контроль.

- Она что, радиоактивная?

- Не то, чтобы радиоактивная. Но там есть плутониевая батарея, и спать на ней не рекомендуется.

- Ты уже заплатил за эту дрянь?

- Нет. Ты заплатишь. Я дам тебе деньги и явку, все остальное - на тебе.

- Ты дашь деньги, я заплачу - кто-то умрет, - усмехнулась Таня.

- Так работает каждый гребаный пистолет и каждый гребаный бакс в этом мире, - сказал он.

- На том «боинге» был российский триколор, - заметила Таня.

- А не надо делать бизнес на чужой беде. Впрочем, они умудряются сделать бизнес и на своей собственной, каждая пуля, которую чеченцы всадили в башку русского солдата, сделана в России.

- В том самолете вообще не было солдат.

- Ну и что? Бомбы делают не солдаты, их делают люди, которым надо кормить свои семьи. А чтобы их семьи могли кушать - чья-то семья должна умереть под бомбами. А чтобы бомбы полетели, какой-то политик в смокинге подписывает указ. Все виновны. Но когда их детей бомба достает по дороге в школу - они начинают кричать про терроризм. Да, это терроризм. А кормить своих детей хлебом из чужой крови - это не терроризм? Нет невиновных, и каждая бомба попадает в цель. Этот проклятый игорный автомат, Таня, устроен так, что всегда приносит доход владельцу - кто бы ни дернул за ручку. Человек - дурак. Он будет дергать и дергать за ручку, надеясь выиграть миллион и принося доход владельцу, пока проклятая машина не сломается. Я - песок в машине. Я не надеюсь на выигрыш и не участвую в доходах. Я ни в чем не заинтересован и не нуждаюсь ни в каких идеологических оправданиях - я просто хочу ее сломать.

- Но ты же хочешь этого по какой-то причине, - усмехнулась Таня.

- Единственная причина - это моя всеобщая, всеохватывающая, слепящая ненависть к машине. Я - живой. Иногда у меня такое чувство, что я единственный живой человек на планете.

- Ты сумасшедший.

- Я сумасшедший.

- У тебя психология джахида.

- Я родился с поясом джахида. И прожив такую жизнь, какую я прожил - уже не нуждаюсь в том, чтобы корчить из себя нормального. Я выпрямился.

- Мы знакомы с тобой уже двадцать лет. И все это время я хотела тебя. И всегда боялась. Ты меченый, ты сам - как бомба. Но сейчас у меня есть предчувствие. Скоро бомба взорвется, - Таня встала, широко раздвинув ноги, ее тело блестело от пота, она подняла руки и собрала черно-белые волосы на затылке, ее груди напряглись. - Я хочу тебя сейчас. Давай сделаем это.

Глава 34

После того, как упал «боинг», охранная зона аэродрома была расширена еще на два километра. Но вскоре, в короткий промежуток времени, потерпели катастрофу еще два стратегических бомбардировщика. Один упал в тридцати километрах от аэродрома, второй - свалился прямо на аэропорт. Обе машины находились на боевом дежурстве и несли полный боезапас, их падение причинило страшные разрушения и жертвы. Обе машины потеряли управление незадолго перед тем, как начали снижаться к взлетно-посадочной полосе.

Механизм контрразведки пришел в движение, цепляя шестерни армейских подразделений, военной полиции и компрадорских структур, американцы почти сразу поняли, с чем имеют дело - сами не раз баловались такими штуками.

Режим ужесточился, гайки заскрипели, закручиваясь и плюща тела, - на террор НАТО ответило террором. Оккупационные власти и раньше не очень церемонились, но теперь начали стрелять в каждого, кто казался подозрительным, и секли головы обалдевшим от такого поворота дела местным князькам. Туземные вожди, наперебой стараясь доказать свою лояльность, зверствовали совсем уж беспределно, не считаясь со здравым смыслом, бойни Аримана наполнились.

Но Город - ядовитое сердце этого гниющего тела - продолжал пульсировать неонем и испускать миазмы, он не мог остановиться, он был причиной, и туда сходились нити всего действия. Сияли огнями казино, визжали убиваемые под горячую руку проститутки, лихорадочно сновали «мерседесы», кипела работа в маклерских конторах - все старались успеть.

Склонялись над картами седовласые стратеги, холодно щурились глаза контрразведчики, холодно сияли экраны компьютеров и телевизоров во всем мире, с которых оживленные комментаторы изливали потоки слов, рационализирующих безумную суть этого кровавого действия. В сетях рассудочной болтовни страна выглядела, как красивый цинковый ящик со скрытым от глаз гниющим трупом внутри, в забитом такими же ящиками и залитом бестеневым светом формальной логики морге мира, по которому слонялся некто скучающий.

Щелкали выбиваемые пальцы, лязгали машины, печатающие доллары, улыбались младенцы с рекламы памперсов, корчились младенцы в огне напалма, в синем небе телевидения летали стратегические бомбардировщики и гигиенические прокладки - и никто ни в чем не был виноват.

Цыгане забаррикадировались в своем поселке, как неолитическое племя, в наивной надежде пережить тяжелые времена, но теперь каждый поселок превратился в такое племя, вся страна стала пространством неолита, по которому, среди горящих хат, которые с краю, рыскали вооруженные хищники в натовской и ненаатовской форме. Братья-славяне смотрели из-за бугра - все это было, пока еще, не у них, как не у них была когда-то и Югославия.

Когда-то, еще на заре оранжевой революции, археологически давно по нынешнему отсчету времени, немногочисленные тогда еще серые лисы наткнулись на ценный объект посреди чистого, но очень загаженного промышленными отходами поля, на краю покалеченного леса. Это был наклонный ствол како-то брошенной шахты, а может, и не шахты - никто и никогда толком не знал, что есть что в Донбассе, что и кем там строится и что там есть, а чего там нет под землей. Вход в ствол был частично обрушен и засыпан наглухо так, что на поверхности торчал только заросший травой удлинённый курган. Он бы почти не отличался от других курганов, могил по-местному, которых здесь было полно, но в одном месте бетон обнажился в результате оползня, и непогода, вода или нерадивость строителей оставили глубокую щель между основаниями двух арочных перекрытий, куда нашли вход лисы полевые, а вслед за ними, по протоптанной животными тропе - и их человеческие собратья. В сотне метров от заваленного входа ствол, или туннель, или квершлаг был наглухо перекрыт кладкой из бетонных блоков, но пространства оставалось достаточно, чтобы вместить пару-тройку железнодорожных вагонов, тем более - нескольких человек с лошадьми, и серые лисы устроили там резервное укрытие, расширив и замаскировав обнаруженный проход.

Когда НАТО принялось закручивать гайки, серые лисы не свернули, а активизировали свою деятельность, раскручивая гайки в обратную сторону, и то тут, то там срывая их с резьбы. Натовский террор ударил,

как всегда, в основном по населению, мирному и немирному, но не помышлявшему о сопротивлении оккупантам. Идейные борцы и бандиты прекратили грызню за территории, и на фоне стихших усобиц, в бардаке жесточайших, но безалаберных карательных действий разнорасовых миротворцев образовалось пространство для маневра небольшой мобильной группы. Но пришел день, когда пространство сузилось до глухого угла.

Они атаковали на стыке дня и ночи небольшую железнодорожную станцию и неплохо повеселились, устроив фейерверк из бензиновых цистерн и вздернув на виадуке всех, кого поймали, не разбирая формы. Они неплохо нагрузились качественным товаром евросоюза, но все пришлось бросить, потому что преследование началось почти сразу. Они избежали вертолетов, ввиду наступившей ночи, но не могли знать, что по ближнему шоссе будет проходить колонна польских спецназовцев, которые азартно ринутся в погоню. Сначала поляки потеряли их, запутавшись в посадках, но снова нашли по следам копыт на мягкой земле и, выдернув из какого-то хутора нескольких местных жителей, знавших окрестности, плотно сели на хвост. Осознав, что уйти рывком не удастся, поскольку поляки передвигались на мотоциклах, а первый луч солнца станет смертным приговором, командир сбросил след по пустырю, забитому строительным мусором и увел группу в резервное убежище.

Но их снова нашли, вероятно, не без помощи местных гнид.

У поляков хватило ума не соваться под землю, но не хватило терпения, чтобы, связавшись с базой, дожидаться спецов с газом. Они просто заложили пластит по обе стороны от прохода и обрушили внутрь несколько десятков тонн бетона, навсегда похоронив возможность побеседовать с серыми лисами.

Группа из одиннадцати человек оказалась запертой в тесном пространстве между завалом и стенкой. Стиснув зубы, командир отдал приказ застрелить лошадей, - чтобы людям досталось больше воздуха. Завал был непроходим, оставалось биться в стенку. У них не было взрывчатки, но были маломощные наступательные гранаты. Расковыряв штыками стыки между блоками, они заложили туда гранаты и взорвали их при помощи шнурков от ботинок, укрывшись за трупами

лошадей. Фонари были у каждого - отходить планировалось ночью - и они вошли в пролом, за которым мог оказаться очередной тупик. И они уткнулись в тупик через несколько часов полуслеплого блуждания по горным выработкам. Они взорвали и эту стену - уже почти ни на что не надеясь. И оказались в лабиринте коридоров, резко отличающихся от шахтных проходок. Им пришлось взорвать еще две железных двери, прежде чем они ступили на дно глубокого бетонного колодца, где лучи издыхающих фонарей уперлись в округлый бок стальной колонны и поползли вверх, высвечивая знаки и устремленное в зенит острое акулье рыло.

Глава 35

- «Уж небо осенью дышало...» - продекламировал он, с наслаждением вдохнув запах хвои и осенних листьев.

- В преддверии ядерной зимы, - хмыкнул Бум. - И не надейтесь, шеф, эту штуку невозможно активировать.

Они прогуливались по лесу неподалеку от усадьбы, с ружьями на плечах, не обращая внимания на вспархивающих фазанов - двух, уже подстреленных, было вполне достаточно.

- Ты это уже говорил. Но у меня чисто спортивный интерес: почему невозможно?

- По целому ряду технических причин.

- Помнится, на советском телевидении, - раздумчиво сказал он, - выставляли такую заставку: «Перерыв по техническим причинам», когда у них случалась какая-нибудь лажа, не с техникой, а с головой.

- С головой у меня все в порядке, - хохотнул Бум.

- Тогда объясни мне, дураку, в чем дело?

- Во-первых, там все прогнило уже давно.

- Нет, не прогнило, и мы оба это знаем. Шахта законсервирована, на командном пульте нет ни пылинки, а сверху туда невозможно пробиться через метровую броню, даже если точно знать, где вход.

- А вот, вы можете объяснить, как можно было украсть ядерную ракету? Документы, что ли, подделали?

- Не заговаривай мне зубы, причем здесь документы? В этой стране украли целую страну, а тебя удивляет какая-то ракета. Не было никаких документов. Ее просто не указали при передаче имущества новому хозяину. Откуда эти шпаки могли знать, что есть, а чего нет у военных? Да и не крали ее, вероятней всего. А просто спрятали до лучших времен. Или до худших. Отсюда до любой натовской базы в Европе лететь намного ближе, чем от Уренгоя, если я что-то понимаю в географии. А сегодня ракета находится в центре такой базы. В структуре советской власти далеко не все были дураками, могли и предвидеть такой поворот дел. Меня другое удивляет: почему ее не вычислили американцы?

- А вот здесь я вам могу дать пояснения, - ухмыльнулся Бум. - Эту шахту построили без вскрышных работ. Ее пробили из-под земли, из промышленной, гражданской шахты, вход в которую находится за тринадцать километров от ракетной точки. На поверхности не было никаких следов работ.

- А как туда воткнули ракету?

- Привезли ночью и опустили краном. То, что все можно засечь из космоса - это сказки для дураков. Надо просто передвигать объект, когда спутник слежения находится над другой стороной планеты, вот и все.

- Давай вернемся к нашим баранам: почему ее нельзя запустить?

Бум помолчал, потер подбородок.

- Может, кто-то и смог бы, а я не смогу.

- Почему?

- Ракета не является автономным объектом. Она управляется через навигационную сеть, расположенную на земле и на орбите. Эти каналы связи заблокированы, если еще существуют. Требуется жидкий кислород...

- Ракета заправлена, и ты это знаешь.

- Я не знаю стартовый код! У меня нет кода доступа к стартовому коду!

- А-а-а, ну ладно, ну и черт с ним. Пусть себе торчит, железяка фуева, пошли домой.

В усадьбе навстречу им вышел Григорий.

- Беда случилась. Таня погибла.

- Как?!

- Американцы обстреляли поселок с вертолетов. Там, в доме, - Гриша мотнул головой, - две женщины с ребенком. Говорят, что больше никого не осталось, - он быстро прошел в дом.

- Ай-й-й, не знаю, почему, не знаю, зачем! - кричала женщина, Берта бинтовала окровавленную руку ребенка. - Прилетели, начали стрелять, убили всех!

- Откуда ты знаешь, что это были американцы? - спросил он.

- Звезды на них были, белые.

- Где Таня, где ее тело?

- Ничего не осталось, золотой ты мой, ничего! - женщина замотала распатланными волосами. - Они бросали что-то такое, что горит, сразу загорелось все, камень горел, люди горели, нечего хоронить!

Вторая женщина лежала на диване, не произнося ни слова и глядя в потолок мертвыми глазами, похоже, у нее был шок. В комнате стояла едкая вонь напалма, которой пропиталась их одежда.

Он взял с собой семь человек, включая фельдшера и, плюнув на безопасность, выдвинулся к месту трагедии на двух автомобилях, забитых медикаментами.

Но помогать было некому. Ничего не осталось, кроме золы и пепла, даже развалин. Поселок находился в глубокой балке, и по двум узким дорогам, которые обстреливались из пулеметов, люди не смогли спастись из ловушки, залитой напалмом.

Там было еще очень горячо, по сожженной земле пробегали огоньки пламени. Он искал долго, искал безуспешно, размазывая по мокрому, как в бане, лицу, черную гарь. Потом, зачерпнул в горсть легкого пепла и съел его.

Глава 36

Они находились глубоко под землей, на командном пункте ракетной точки. Отсюда, через анфиладу распахнутых стальных дверей, было видно тело ядерной акулы, устремленное в зенит. Теперь здесь все было залито ярким, бестеневым светом, гудело напряжение в проводах. Он успел отдать по радиации последний приказ серым лисам, - разбегаться, кто куда может. Но теперь это уже не имело никакого значения.

Он атаковал сердце города, юго-восточный штаб войск НАТО. Он сделал это в самой зеленой из всех ядовито-зеленых зон в этой черной от страха и крови стране. Для этого пришлось подчистить своих бывших сообщников по освободительной борьбе - их база, маленький завод в пригороде, была идеальным местом для расположения ракетных установок. Но зачистку не удалось произвести стерильно - кое-кто ушел, и в тот момент, когда он нажимал первую пусковую кнопку, контрразведке уже было известно имя инициатора атаки.

Инициатору удалось вырваться из города, потеряв почти всю группу, но логово серых лис перестало быть логовом. Серых лис больше не существовало, этот этап жизни закончился. Собственно, и жизнь уже подходила к концу.

Он поправил цветы на груди мертвой Берты - Берта и ее цветы было все, что он сумел унести с поверхности земли. Но оставалось еще кое-что.

«Судьба прядет нити наших жизней», - сказала когда-то Таня, - «а узлы завязываем мы».

И разрубаем их тоже мы. Он подошел к аппарату спутниковой связи и набрал длинный код.

- Боже мой, как ты сумел ко мне пробиться? - закричала Рита.

Он хмыкнул в трубку.

- Есть способы. Как дела у Эвелины?

- А почему ты не спрашиваешь, как у меня дела?

- Как у тебя дела?

- Я вышла замуж. Мой муж - профессор консерватории, очень интеллигентный человек.

- Я рад за тебя. А как...

- Все нормально у нее, она сидит в тюрьме. Это лучше, чем сдохнуть под бомбами.

- Что ты мелешь?

- Я ее посадила. Она пыталась уехать к тебе. Не волнуйся, она через два месяца выйдет. Как у тебя дела? У вас же там кошмар.

- Действительно, кошмар. Но все уже заканчивается.

- Ну и хорошо, ну и слава Богу. Моя баня меня ждет? Ой, кто-то трезвонит в дверь, ну, пока, ты перезвонишь?

Он отключил связь.

- Пора начинать, Бум.

- Что начинать, шеф? - Бум оторвал от губ фляжку с виски и со стуком поставил ее на пульт управления.

- Активируй бомбу.

- Вы что, с ума сошли, шеф? - Бум неуверенно ухмыльнулся. - У нас же есть шанс отсидеться.

- Хватит. Пора выпрямляться, старик.

Бум побледнел.

- Вы что, хотите взорвать пол-Донбасса?

- Больше. Я хочу направить ракету на Москву.

- Зачем?!

- Русские ответят ударом по Америке.

- Вы хотите устроить Апокалипсис?

- Да. Ты его устроишь.

- Ракета не долетит до Москвы, ее собьют.

- Не имеет значения, границу она пересечет в любом случае.

- Это в принципе невозможно, у нас нет кода и...

- Ты взломаешь любой код при помощи этой штуки, - он кивнул в сторону двух аппаратов, похожих на портативные электрогенераторы, - так, как ты это делал с навигационной системой самолетов.

- Я не буду этого делать! - Бум сжал кулаки.

- Ты сделаешь это, Саша, - он достал пистолет. - Мы все умрем. Мы можем умереть быстро или грызаясь, как крысы. Я прострелю тебе колено, потом - второе колено, и если ты умрешь раньше, чем ракета взлетит, я попытаюсь поднять ее сам. И у меня может получиться.

Они смотрели друг на друга, лица обоих мужчин и мертвой женщины были зеленовато-бледными в свете люминесцентных ламп.

Он начал поднимать пистолет...

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ I

Глава 1	3
Глава 2	4
Глава 3	6
Глава 4	9
Глава 5	14
Глава 6	15
Глава 7	17
Глава 8	21
Глава 9	25
Глава 10	27
Глава 11	33
Глава 12	36
Глава 13	39
Глава 14	43
Глава 15	45
Глава 16	48
Глава 17	56
Глава 18	63
Глава 19	66
Глава 20	71
Глава 21	75
Глава 22	77
Глава 23	82
Глава 24	85
Глава 25	90

ЧАСТЬ II

Глава 26	91
Глава 27	94
Глава 28	98
Глава 29	102
Глава 30	107
Глава 31	110
Глава 32	112
Глава 33	115
Глава 34	120
Глава 35	123
Глава 36	126

Литературно-художественное издание

Лекаренко Александр Леонидович

ПРАВОСУДИЕ

роман-антиутопия